

МАЙЯ НО

Тадкая сестра

Легенды расщеплённых

ОНИ РАЗДЕЛЕНЫ, НО ИХ ЯД ЕДИН

Майя Но
Гадкая сестра

«Литнет»

2025

Но М.

Гадкая сестра / М. Но — «Литнет», 2025

Выбор редакции ЛитНет Система сломана. Персонаж - диагноз.
Прокачка убивает. Империя двух лун - Серебряной матери и Багровой пожирательницы. Каждое существо рождается в паре: нейросвязь, серебряная пуповина, общий болевой порог. Одиночество - системная ошибка, за которую казнят. Терновый разлом - не магия, а патология На Церемонии расщепления у обеих из костей прорастает металл богини. Посттравматическая мутация связи: тело строит броню внутрь - не от мира, а от партнёра. Металл растёт к сердцу. Скорость пропорциональна зависимости. Сильнее любишь - быстрее умираешь. RPG, где прокачка - потеря себя Ловец - действует, получает силу, теряет эмпатию Сосуд - чувствует, хранит эмоции обоих, теряет волю ✂ Каждая способность стоит фрагмент личности партнёра Максимальный уровень - полное поглощение Финальный босс - твоя половина, решившая стать тобой Элис и Эви ломают систему. Обе - ловец и сосуд одновременно. Замкнутый контур: берут и отдают себе. Система не предусмотрела ничью. Психология как физика мира Металл в костях - соматизация травмы Серебряная пуповина - теория привязанности Боулби, ставшая биологией Парные классы - треугольник Карпмана в ДНК цивилизации Защитные механизмы растут из позвоночника Проекция - навык Газлайтинг - боевое заклинание Мнемонические стрекозы - живые детекторы лжи, гибнут от перегрузки, если в одном теле две души Главный хоррор - не монстры, а любовь В финале одна перестанет быть отдельным человеком. И назовёт поглощение - любовью. △ # 18+ идеологически, содержит: эмоциональное насилие, потерю идентичности, магический каннибализм Литмоб ;

© Но М., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	6
Как устроен мир, где небо раскололось надвое	10
Часть I: Глава 1. Пятая ночь	17
Глава 2. Стекланные листья	20
Глава 3. Свидетели	23
Глава 4. Мальчик из железа и пепла	25
Глава 5. Разрыв	28
Иллюстрации_ВЗРОСЛЕНИЕ ЭЛИС и ЭВИ	31
Глава 6. Пробуждение мёртвых	44
Глава 7. Танец трёх	47
Глава 8. Цена жизни	51
Глава 9. В доме химер	55
Глава 10. Лилит пробуждается	60
Глава 11. Зеркало пожирает отражение	62
Ночь перед церемонией первого отражения _ I. Час вора	66
Часть I. Короткие видео_Эви перед церемонией первого отражения	71
Философия лун, которые любят слишком крепко	73
Глава 12. Каэн	75
Глава 13. Кто из нас ...Гадкая сестра?	80
ИТОГ ПЕРВОЙ ЧАСТИ_Тайны, погребённые под металлом	84
Часть II: КРОВАВОЕ РОЖДЕСТВО ТЕРАМОРН	86
Глава 1: Две капли крови на снегу ♦ Канун рождества в доме Тераморн	87
♦♦ Гость с севера	88
♦♦♦ Ритуал при двух лунах	89
Глава 2: Слияние в рождественскую ночь ✧ Трансформация	90
✧✧ Прерванное проклятие	91
✧✧✧ Кровавый выбор	92
Глава 3: Цена рождественского чуда ♣ После полуночи	93
♣♣ Видение будущих сестёр	94
♣♣♣ Страж проклятия	95
♣♣♣♣ Рождественское утро	96
Эпилог: Эхо в крови	97
Иллюстрации_БАГРОВАЯ ПОЖИРАТЕЛЬНИЦА	98
Часть III: ТРИ ЛИЛИТ — ПРОРОЧЕСТВО КРОВИ	104
О природе имён, что становятся проклятиями	105
Тысяча лет до падения последней луны ※ Глава 1: Рождение в час, когда боги отворачиваются ※ Кровавый снег	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Пролог

Исповедь перед взрывом

Одиночество убивает не сразу.

Сначала приходит тишина – не отсутствие звука, а отсутствие ответа. Эхо собственного сердца, бьющегося в пустоте. Тысяча лет или секунда – время теряет значение, когда некому отмерять его вместе с тобой.

Богиня была первой. Единственной. Целой.

Целостность оказалась проклятием.

В момент, когда боль стала невыносимой, произошёл разрыв. Не метафора – физический акт саморазрушения. Душа, эта пульсирующая масса света и агонии, разорвалась надвое. Кровь стала звёздами. Кости – горами. Крик породил ветра.

Но осколки падали парами.

Две луны: Серебряная мать на севере, Багровая пожирательница на юге. Ненависть между ними – отражение той первичной боли. День и ночь застыли в вечной битве на линии Разлома, где построена Цитадель зеркальных душ.

Империя близнецов родилась из страха одиночества.

Здесь каждый рождается с зеркалом. Серебряная пуповина – невидимая нить между душами – гарантирует, что никто никогда не останется один. Близнецы правят. Одиночки умирают молодыми, презираемые, бессильные.

Система работала тысячу лет.

До одного случая.

Четыреста лет назад девочка отказалась делиться. Наплечники тернового разлома проросли в её тело – металл, врастающий в кости, пронзающий сердце. Сестру она не убила. Поглотила. Растворила. Сначала украла улыбку. Потом голос. Потом мысли. К концу третьего года сестра смотрела в зеркало и видела Лилит.

Когда поглощение завершилось, Лилит стала живым порталом. Две души удерживали разрыв в Межмирье открытым постоянно. Магия текла через неё без ограничений, без цены, без противовеса.

Треть империи сгорела за три дня.

Тысяча пар близнецов пожертвовала собой, чтобы остановить её. Тело захоронили в безымянной могиле. Наплечники переплавили в новые артефакты судьбы – те самые, что сейчас носит каждая пара.

Металл помнит.

Даже мёртвый. Даже переплавленный.

Ждёт новую жадность.

Приглашаю в первую книгу цыганских сказок ####

«Ты (не) мой Сулейман»

<https://litnet.com/shrt/CbX0>

Читать бесплатно по ссылке #####

Как устроен мир, где небо раскололось надвое

I. Город, который не может решить, кто он

Представь: ты стоишь посреди улицы, и с одной стороны от тебя — зима. Настоящая, снежная, та, где воздух хрустит при вдохе, где каждый выдох превращается в облачко пара, где хочется закутаться в шаль и пить горячий чай у камина. А с другой стороны — лето. Жаркое, душное, когда пот течёт по спине, когда воздух плотный как кисель, когда хочется сбросить всю одежду и нырнуть в холодный пруд.

И эти два сезона встречаются прямо посередине. Не постепенно, не через весну и осень. Резко. Как будто кто-то взял гигантский нож и разрезал мир на две половины, и они никак не могут договориться.

Вот так выглядит *цитадель зеркальных душ* — столица империи двуликой луны.

Я живу здесь сорок лет. Родилась в южном квартале, выросла на севере, теперь моя лавка стоит точно посередине, на *линии разлома*. И каждое утро, открывая ставни, я не знаю точно, какого цвета будет сегодня небо.

Потому что небо здесь не голубое. Оно не бывает одного цвета.

С севера небо *серебряное* — как если бы кто-то растёр в порошок лунный камень, смешал с молоком и разлил по воздуху. Когда смотришь на него, глаза не устают. Наоборот. Хочется смотреть ещё, ещё, ещё, пока не забудешь обо всём остальном. Это небо успокаивает. Как тёплое одеяло. Как голос матери, напевающей колыбельную. Как доверие, что завтра будет так же хорошо, как сегодня.

С юга небо *багровое* — как если бы закат застыл и больше не уходит. Цвет спелой вишни. Цвет вина в хрустальном бокале, когда смотришь на свечу сквозь него. Цвет губ после страстного поцелуя. Когда смотришь на это небо, сердце начинает биться быстрее. Хочется чего-то. Не знаешь чего, но хочется *сильно*. Это небо будоражит. Как первый глоток крепкого вина. Как запах духов незнакомки. Как азарт, когда ставишь на кон последние деньги.

А посередине, прямо над моей лавкой, небо *невозможное*.

Серебряный цвет встречается с багровым, и вместо того, чтобы смешаться в розовый (как смешиваются краски), они создают *новые цвета*. Те, для которых нет названий. Представь цвет, который одновременно холодный и горячий. Который успокаивает и возбуждает. Который ты видишь впервые в жизни, хотя живёшь здесь сорок лет.

Каждый день цвета разные. Потому что небо зависит от *двух лун*.

II. Луны, которые ненавидят друг друга

Ночью на небе висят две луны. Всегда обе. Они никогда не заходят одновременно.

Серебряная мать — большая, круглая, похожая на жемчужину размером с блюдце. Когда она светит, всё становится как будто... мягче. Края предметов размываются. Тени почти исчезают. Свет обволакивает, просачивается в каждую щель, как молоко, пролитое на стол.

Если выйдешь ночью под серебряную мать, почувствуешь странное. Захочется отдать что-то. Поделиться. Подойдёшь к нищему и вывернешь карманы. Увидишь бездомную собаку и принесёшь ей всю еду из дома. Это не благородство. Это *принуждение*. Луна давит на тебя, как невидимая рука на затылке, заставляя склонить голову, отдать, поделиться, опустошить себя.

Люди, рождённые под серебряной матерью — а это все *Ловцы* — спокойные. Тихие. Они говорят негромко, как будто боятся разбудить спящего ребёнка. Носят светлое: белое, серебряное, бледно-голубое. Их дома похожи на больницы — чистые, стерильные, пустые. Потому что вещи копят только у тех, кто берёт. А Ловцы *отдают*.

Багровая пожирательница — меньше, но ярче. Она не висит на небе — она *пульсирует*. То ярче, то тусклее, то ярче снова. Как сердце. Как дыхание. Как пламя свечи на ветру.

Её свет не обволакивает. Он *режет*. Острые тени. Чёткие контуры. Каждый предмет выглядит более реальным, более *здесь*, как будто нарисован жирным маркером.

Выйдешь под багровую пожирательницу — и почувствуешь голод. Не в желудке. В душе. Захочется взять что-то. Присвоить. Увидишь красивый камень на дороге — спрячешь в карман. Пройдешь мимо чужого сада — сорвешь яблоко. Не потому что злой. Потому что луна *требует*. Она давит на грудь, как невидимый груз, шепчет: *бери, бери, всё должно быть твоим*.

Люди, рождённые под багровой пожирательницей — все *Сосуды* — другие. Громкие. Яркие. Они кричат, когда радуются, и кричат, когда злятся. Носят красное: алое, бордовое, цвета вина и крови. Их дома переполнены вещами — безделушками, трофеями, хламом. Потому что Сосуды *берут*.

И две луны ненавидят друг друга.

Не метафорически. *Буквально*.

Если встанешь ночью точно посередине между их влияниями и посмотришь сначала на одну, потом на другую, увидишь: они не просто висят на небе. Они *тянут*. Как два магнита с одинаковыми полюсами, которые отталкиваются. Воздух между ними дрожит. Искривляется. Как мираж в пустыне.

Иногда, раз в несколько лет, луны подходят слишком близко друг к другу. И тогда начинается *лунная буря*.

Небо раскалывается. Серебряный свет и багровый сталкиваются, создавая молнии, но не обычные — *цветные*. Фиолетовые. Зелёные. Золотые. Они бьют в землю, и там, куда попадают, земля начинает... странно себя вести. Камни левитируют. Вода течёт вверх. Мёртвые цветы расцветают снова, но их лепестки из стекла.

Во время лунных бурь все сидят дома. Закрывают окна. Не смотрят на небо. Потому что если посмотришь, буря войдёт в тебя. Через глаза. Прямо в мозг. И ты начнёшь видеть *слишком много*. Все возможные версии себя одновременно. Себя под серебряной матерью — тихого, мягкого, истощённого от отдавания. Себя под багровой пожирательницей — громкого, яркого, раздувшегося от жадности.

Большинство сходят с ума. Мозг не может вместить столько версий одного человека.

III. Как родились луны из разбитого бога

Но откуда взялись эти луны?

Официальная история говорит: богиня создала их, чтобы освещать мир. Красиво. Просто. Ложь.

Правду знают только жрицы. И я. Потому что я не жрица, но я торгую запретными вещами, и одна жрица однажды заплатила мне информацией вместо денег.

В начале была Богиня. Одна. Она была не человеком — *идеей*. Концепцией существования.

Представь: бесконечный белый лист бумаги. Ничего на нём не нарисовано. Никаких линий, точек, пятен. Только белое пространство, растянутое до бесконечности. И этот лист *живой*. Он думает — но не мыслями, потому что мысли требуют слов, а слов нет. Он чувствует — но не эмоциями, потому что эмоции требуют сравнений, а сравнивать не с чем.

Он просто *есть*.

Так было всегда. Или не всегда, потому что *всегда* требует времени, а времени не было.

Пока однажды на белом листе не появилась *точка*.

Крошечная. Чёрная. Как будто кто-то поставил перо на бумагу и надавил.

Эта точка была первой мыслью богини: *Я существую*.

И знаешь, что происходит, когда ставишь точку на белом листе? Лист перестаёт быть *просто белым*. Он становится "белым фоном для чёрной точки". Появляется различие. Сравнение. Граница между *точкой* и *не-точкой*.

Богиня разделилась.

На того, кто думает, и того, о ком думают.

И это было как... представь: ты всю жизнь прожил в тишине. Абсолютной. Ни звука. Даже понятия о звуке нет. А потом вдруг — *БАМ*— гром. Оглушительный. Ты не просто слышишь его впервые. Ты понимаешь впервые, что *можно слышать*.

Так Богиня впервые поняла, что можно *меняться*.

И изменение было восхитительным.

Она подумала вторую мысль. Третью. Четвёртую. Мысли сыпались как монеты из про-
рванного кошелька. Каждая создавала новую точку на белом листе. Точки становились лини-
ями. Линии — трещинами.

И Богиня поняла слишком поздно: она не может остановиться.

Белый лист *разрывался*.

Медленно. Потом быстрее. Потом молниеносно — *ВЖУХ*— весь лист в клочья.

Каждый клочок полетел в свою сторону.

Два самых больших клочка полетели в противоположных направлениях.

Первый клочок содержал все *белые части* листа. Чистоту. Пустоту. Готовность принять что-то. Он летел вверх, становясь всё меньше, плотнее, пока не стал размером с шар. Круглым. Светящимся холодным светом.

Серебряной матерью.

Второй клочок содержал все *чёрные точки*— мысли, которые разорвали лист. Он летел вниз, тяжёлый от концентрированных идей, от *желания* что-то делать, менять, брать. Стал меньше. Плотнее. Начал светиться — но не своим светом, он крал свет первого клочка и пере-
крашивал его в багровый.

Багровой пожирательницей.

Остальные клочки разлетелись между ними. Один из них — самый странный — упал прямо посередине.

Этот клочок содержал не белизну и не точки. Он содержал *перо*, которое поставило первую точку. Желание Богини думать, даже зная, что мысли её убьют.

Этот клочек упал на землю и стал *сердцем*.

Метафизическим сердцем. Оно не из плоти — из *воли*. Желания существовать.

И оно бьётся до сих пор. Раз в час. Потому что не знает, как остановиться.

IV. Линия разлома — где встречаются несовместимые вещи

А теперь представь: две огромные силы, тянущие в противоположных направлениях. Как перетягивание каната. Только канат — это *реальность*.

Место, где встречаются эти силы, называется *линией разлома*.

Это как... помнишь, когда смешиваешь масло с водой? Они не хотят соединяться. Пла-
вают отдельными каплями, отталкиваясь друг от друга. Вот так же серебряный свет и багро-
вый не хотят смешиваться. Они встречаются, спорят, создают узкую полоску, где ни один не
побеждает.

Эта полоска шириной от ста метров до километра. Меняется каждый день, потому что
луны движутся.

Утром, когда серебряная мать сильнее, линия сдвигается южнее. К вечеру, когда багровая
пожирательница набирает силу, линия ползёт на север. Она *живая*. Дышит. Как медленная
волна, накатывающая и откатывающая.

Моя лавка стоит на этой линии последние двадцать лет.

Знаешь, что это значит? Каждое утро я просыпаюсь в *другом* месте. Не физически —
дом не движется. Но магически. Вчера я была под влиянием серебряной матери. Просыпалась
мягкой, добрая, хотелось отдать весь товар даром. Сегодня линия сдвинулась, я под багровой
пожирательницей. Просыпаюсь жадной, острой, хочется задрать цены вдвое.

Ты спросишь: как живут люди в таких условиях?

Привыкаешь.

Нет, правда. Человек ко всему привыкает. Даже к тому, что личность меняется в зависимости от положения луны.

Но есть правила. Семнадцать законов жизни на линии разлома. Их не пишут в книгах. Их передают из уст в уста. Потому что нарушишь — умрёшь. Или хуже: станешь *разломленным*.

V. Семнадцать способов не сойти с ума

Первый закон: никогда не смотри на обе луны одновременно.

Это как... представь: ты кладёшь в рот одновременно кусочек лимона и кусочек шоколада. Языку плохо. Он не может решить: кислое или сладкое? Мозг глючит.

Теперь представь то же самое, но вместо вкуса — *вся твоя личность*.

Серебряная мать говорит: *отдавай*. Багровая пожирательница: *бери*. Мозг пытается сделать оба приказа одновременно.

Разрывается.

Буквально.

Я видела это однажды. Торговец с севера, приехал впервые. Никто не предупредил. Вышел на площадь на закате, посмотрел вверх — обе луны видны.

Через десять секунд он начал раздеваться, разбрасывая одежду, крича: "Берите! Всё ваше!" Одновременно хватал вещи у прохожих, запихивал в рот: "Моё! Всё моё!"

Нашли его через час. Мёртвым. Сердце разорвалось пополам. Одна половина обморожена. Другая обуглена.

Второй закон: носи одежду разных цветов. Всегда.

Цвет — это не украшение. Это *защита*.

Белое притягивает влияние серебряной матери. Наденешь полностью белое — станешь слишком мягким. Будешь отдавать, отдавать, пока не останется ничего.

Красное притягивает багровую пожирательницу. Наденешь полностью красное — станешь жадным монстром. Будешь хватать всё подряд, пока не лопнешь.

Поэтому на линии носят *радужное*. Посмотри на меня: блуза — половина белая, половина красная. Юбка — полосками: синий, зелёный, жёлтый. Платок — с узором из всех цветов сразу.

Это не мода. Это баланс. Каждый цвет притягивает крошечную часть влияния, и все вместе они нейтрализуют друг друга.

Третий закон: не стой неподвижно дольше часа.

Помнишь, я говорила: линия движется?

Представь: ты стоишь на границе между двумя комнатами. В одной холодно. В другой жарко. Комфортно, пока граница проходит точно через тебя — левая половина тела в холоде, правая в жаре. Сбалансировано.

Но граница *смещается*. Медленно. Сантиметр за сантиметром. Через час ты можешь оказаться полностью в холодной комнате. Или в жаркой.

Так и на линии. Постоишь час — окажешься под влиянием одной из лун. Тело начнёт *конфликтовать* само с собой. Часть, что была под одной луной, захочет одного. Часть под другой — противоположного.

Мужчина, что застыл на площади, заслушавшись музыканта... его левая рука душила правую. Тело дралось само с собой.

Четвёртый закон: не ешь пищу, приготовленную только под одной луной.

Еда впитывает свет, как губка воду.

Хлеб, испечённый под серебряной матерью, выглядит нормально. Пахнет вкусно. Но съешь его — и через час проголодаешься снова. Потому что хлеб *отдаёт* калории. Буквально. Ты ешь, а сытости нет. Наоборот — голод усиливается.

Мясо, зажаренное под багровой пожирательницей, другое.

Съешь кусочек — сыт три дня. Но станешь агрессивным. Захочешь отобрать еду у других, даже если не голоден.

На линии готовят *сумеречную пищу*.

Начинают готовить под одной луной, заканчивают под другой. Баланс. Такой хлеб насыщает нормально. Такое мясо даёт силы без агрессии.

В моей лавке есть сумеречные пироги. Тесто замешиваю на рассвете, когда серебряная мать ещё видна. Запекаю на закате, когда багровая пожирательница восходит. Получается идеально: вкусно, сытно, без побочных эффектов.

*Пятый закон: не спи безамулета равновесия**.***

Во сне ты беззащитна. Душа расслабляется, открывается влияниям.

Представь: твоя душа — это дверь. Днём ты её контролируешь, открываешь и закрываешь по своему желанию. Ночью контроль ослабевает. Дверь может распахнуться от любого ветра.

Луны — это ветры. Сильные. Они могут распахнуть твою душу и войти.

Заснёшь под серебряной матерью — проснёшься другим человеком. Тихим. Опустошённым. Захочешь отдать всё, что имеешь.

Заснёшь под багровой пожирательницей — проснёшься жадным. Злым. Готовым убить за лишнюю монету.

Амулет равновесия — это диск из опала размером с ладонь. Половина покрыта серебром, половина — медью. Носишь на груди на верёвочке. Он вибрирует, если баланс нарушается. Просыпаешься. Переезжаешь на другую сторону кровати. Восстанавливаешь равновесие.

Я сплю с амулетом двадцать лет. Без него — смерть.

Шестой закон: если видишь радужную тень — беги не оглядываясь.

Обычные тени — чёрные. Или серые. Это отсутствие света.

Но иногда, когда обе луны в определённых позициях, свет сталкивается под таким углом, что тени становятся... *неправильными*.

Вместо чёрного — радужные. Переливающиеся всеми цветами. Как масляное пятно на луже.

Эти тени отбрасывают не предметы. Они отбрасываются *событиями*. Будущими событиями. Вещами, которые ещё не произошли, но *могут* произойти.

Если твоя тень стала радужной — ты видишь тень своего будущего.

И вот что страшно: *видение делает его неизбежным*.

Как только увидишь, что именно отбрасывает радужную тень, мозг зафиксирует это как факт. И вселенная начнёт *корректироваться*, подстраивать события так, чтобы видение сбылось.

Жрица Терра увидела свою радужную тень. Оглянулась. Увидела себя, падающую с башни. Решила не подходить к башням. Через три дня её позвали в храм. Поднялась по ступенькам. Порыв ветра. Упала. Как в видении. Невозможно было избежать.

Поэтому правило простое: видишь радужную тень — беги. Быстро. Не оглядываясь. Не пытайся узнать, что она показывает. Незнание спасает.

Седьмой закон: не используй сплетение в полночь.

Полночь на линии разлома — особый момент. Обе луны в зените. Точно напротив друг друга. Влияния абсолютно равны. Идеальный баланс.

Звучит безопасно? *Нет*.

Баланс — это не стабильность. Это *застывание*. Представь: двое тянут верёвку с одинаковой силой. Верёвка не движется. Но она натянута до предела. Малейший толчок — и она либо рвётся, либо резко дёргается в одну сторону.

Так и магия в полночь. Близнецы пытаются использовать сплетение — и оно *глючит*. Ловец даёт силу, Сосуд принимает, но энергия не течёт плавно. Она застревает. Накапливается. Взрывается.

Результат непредсказуем.

Иногда создаются вещи, которых не должно быть: огонь, горящий холодом (он выглядит как пламя, но если сунешь руку — обморозишь); вода, текущая вверх (струя поднимается к потолку и застревает там); тени, которые двигаются независимо от предметов, что их отбрасывают.

Иногда близнецы просто исчезают. Тела остаются. Но пустые. Души застревают в месте столкновения влияний. В *петле равновесия* — пространстве между лунами, где ничто не может сдвинуться ни вперёд, ни назад.

Восьмой закон: никогда не давай обещаний на линии разлома.

Слова здесь — как цемент. Застывают в воздухе. Обретают вес.

Обычное обещание — это звук. Сказал, забыл. Можно нарушить. Совесть поколет, но мир не накажет.

На линии разлома обещание *записывается* в ткань реальности. Как будто кто-то невидимый взял блокнот и записал: "Человек N обещал сделать X." И вселенная следит, выполнил ли ты.

Не выполнил — начинается *откат*.

Не мгновенный. Медленный. Всё, что ты делаешь, начинает идти наперекосяк. Случайности складываются против тебя. Поскользнулся на ровном месте. Потерял кошелек. Заболел. Постоянно. День за днём. Пока не выполнишь обещание. Или не умрёшь.

Я видела торговца, который обещал вернуть долг "завтра". Сказал на линии. Не вернул. Через неделю у него сгорел склад. Через месяц — заболела жена. Через три — сам умер. От глупости: упал с лестницы, ударился головой.

Вскрытие показало: в мозгу — крошечный сгусток крови. Врач сказал: "Невезение." Я знала: откат.

Остальные законы я расскажу позже. Если захочешь. Если выживешь достаточно долго, чтобы они тебе понадобились.

А сейчас смотри.

Смотри в окно. Видишь? Обе луны поднимаются. Приближаются друг к другу. Скоро они будут так близко, что их влияния начнут *резонировать*.

А где-то в двух башнях на краю города сидят две девочки. Элис и Эви. Разделённые. Но всё ещё связанные нитью, которую они не смогли разорвать до конца.

И когда луны сблизятся... эта нить натянется. Потянет. Затрещит.

И либо порвётся окончательно.

Либо стянет их обратно.

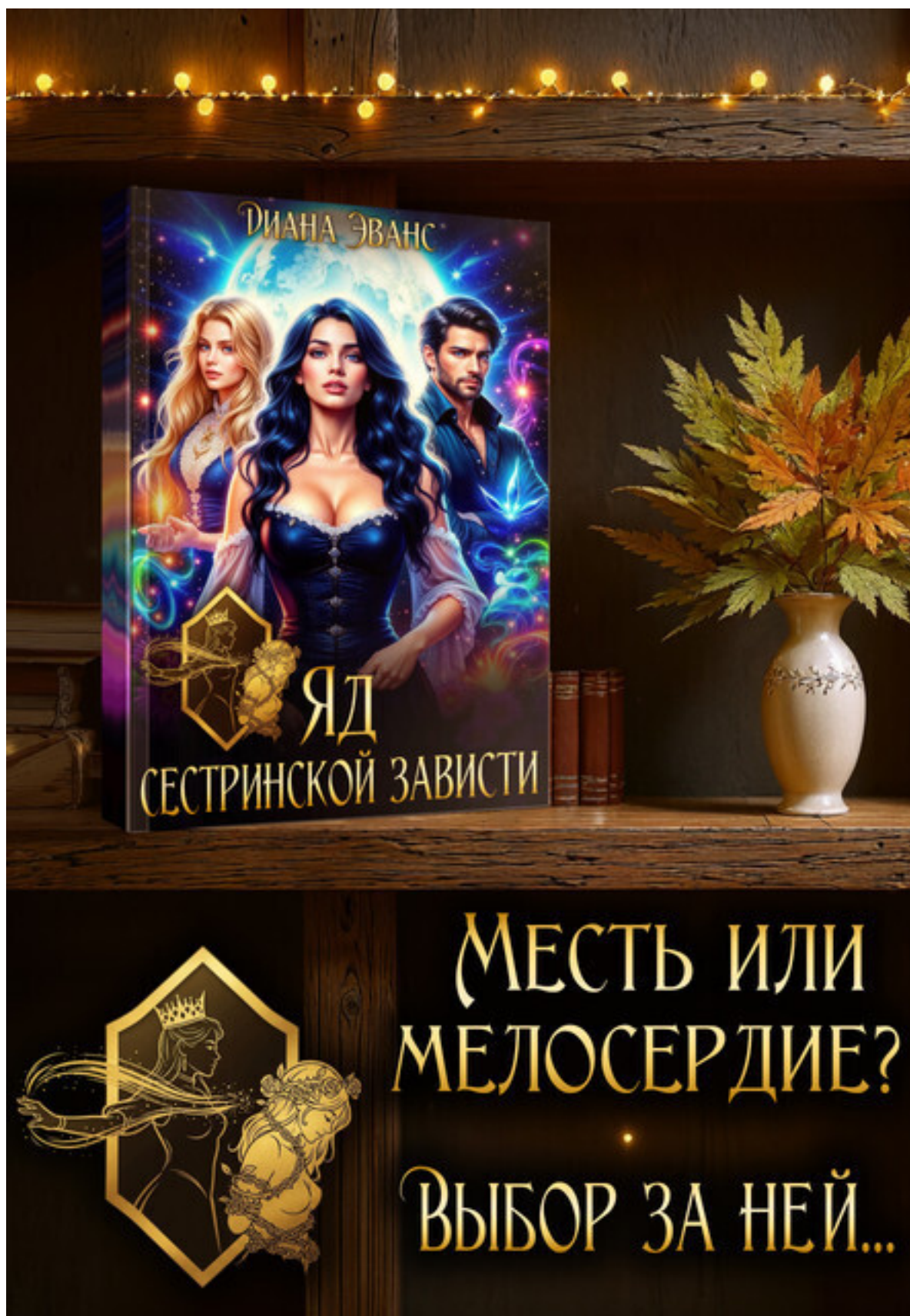
В единое.

В то, чем они пытались стать.

В *Разлом*.

*Представляю Вашему вниманию третий старт нашего литмоба "Сестра-злодейка"
Яд сестринской зависти от Дианы Эванс*

Книга предназначена для читателей старше 18 лет!

<https://litnet.com/shrt/GApc>

Часть I: Глава 1. Пятая ночь

Элис проснулась в 3:47 утра.

Не в 3:45. Не в 3:50. Именно в 3:47 – цифры на старых механических часах у кровати светились болезненно-зелёным, как глаза кошки в темноте. Странно, что она запомнила время. Обычно просыпаешься и не смотришь на часы, просто знаешь – ещё ночь или уже утро.

Но сегодня взгляд прилип к циферблату. Потому что тело не слушалось.

Начнём с простого: попробуй пошевелить мизинцем. Правым мизинцем на правой руке. Маленькое движение. Детское. Любой младенец справится.

Мизинец не двигался.

Ладно, может, он затёк. Бывает. Спишь на руке неудобно, просыпаешься – рука как чужая. Попробуем веко. Моргнуть. Это же рефлекс, даже мёртвые иногда моргают.

Веки опустились. Через три секунды. Как в замедленной съёмке дешёвого фильма ужасов, где жертва понимает, что парализована, но режиссёр растягивает момент осознания.

Сердце – вот что работало исправно. Билось. Быстро. Слишком быстро. Сто двадцать ударов в минуту в состоянии покоя – это паника. Тело знало то, что разум ещё отказывался принять.

Кто-то был в комнате.

Дыхание. Не её. Чужое. Знакомое до тошноты – шестнадцать лет слушаешь, как дышит человек рядом, и узнаешь этот ритм из тысячи. Эви дышала особенно: вдох через нос, выдох через едва приоткрытые губы, маленькая пауза перед следующим вдохом. Музыкально. Красиво.

Страшно.

– Не бойся.

Голос сестры был мёдом. Тёплым мёдом, в котором тонут мухи. Элис помнила, как в детстве наблюдала за осой, увязшей в медовой ловушке. Насекомое дёргалось, пыталось вырваться, но золотистая масса только крепче держала, затягивала глубже.

Сейчас она была той осой.

Эви наклонилась над кроватью. В руке – игла. Не медицинская, нет. Старинная, серебряная, покрытая рунами. Руны шевелились на металле как черви на падали. В другой руке склянка.

Пожирающая роса.

Элис знала это название. На уроках алхимии жрица Морена рассказывала: "Растёт только одно дерево, питающееся кровью одиночек – Вдовый терновник. Его корни тянутся к могилам тех, кто потерял близнеца. Роса с его листьев – концентрированная эссенция разделения. Капля способна заставить душу забыть свои границы."

– Пятая ночь, – прошептала Эви, вводя иглу в вену на запястье. Движение отработанное, профессиональное. Как у медсестры. Или палача. – Знаешь, что интересно? Первую ночь ты сопротивлялась во сне. Дёргалась. Стонала. Вторую – меньше. Третью почти не заметила. Четвёртую... четвёртую ты улыбалась.

Холод растекался от места укола. Не обычный холод – онтологический. Холод небытия. Элис чувствовала, как что-то важное утекает, а на его место вливается чужое.

– Смотри.

Эви подняла запястье Элис к свету луны из окна. Вены просвечивали сквозь бледную кожу. Но теперь в них текло два цвета: красный и чёрный, переплетаясь спиралью.

– Красивое, да? Как арт-инсталляция. "Сёстры: исследование границ идентичности". Критики бы оценили.

Элис хотела спросить "зачем". Хотела кричать. Хотела умолять. Губы разомкнулись – вышел хрип. Даже не её хрип. Звук, который издавала Эви, когда болела гриппом три года назад.

– О, это уже работает! – Эви захлопала в ладоши как ребёнок у ёлки. – Твои голосовые связки перестраиваются под мой тембр. Скоро мы будем говорить в унисон. Представляешь? Идеальная гармония.

Пауза. Эви убрала иглу, спрятала склянку в складках ночной рубашки. Потом легла рядом с Элис на кровать. Прижалась. Обняла, как обнимают любовники или покойников.

– Хочешь знать самое прекрасное? Завтра Церемония расщепления. Все ждут, что одна станет Ловцом, другая – Сосудом. Но мы... мы станем чем-то новым. Терновый разлом пробудится в нас обеих. Потому что к утру мы будем одной душой в двух телах. А потом... потом и тел станет одно.

Эви поцеловала сестру в висок. Губы оставили влажный след.

– Спи. Осталось три часа одиннадцать минут. В семь разбужу. Нужно выглядеть идеально для нашего последнего дня как "мы".

Дверь закрылась.

Элис лежала парализованная, чувствуя, как пульс замедляется, синхронизируясь с чужим ритмом где-то за стеной. На потолке танцевали тени от деревьев за окном.

Нет. Не деревьев.

Узор теней складывался в лицо. Два лица. Её и Эви. Сливающиеся в одно.

Часы показывали 4:03.

Через три часа начнётся церемония, которая решит судьбу Империи.

И никто не знал, что одна из близнецов уже мертва внутри.

"Сваха? Нет, психолог" — когда методичка сильнее магии
<https://litnet.com/shrt/3eHm>

Глава 2. Стекланные листья

Утро пахло жжёными перьями.

Служанки одевали близнецов в молчании – традиция требовала тишины перед Расщеплением. Но Элис слышала их мысли в напряжённых плечах, в дрожащих пальцах, застёгивающих сотни мелких пуговиц на церемониальном платье.

Платье. О, это отдельная история власти и подчинения.

Лунный шёлк – ткань, которую производят только для близнецов. Черви-альбиносы питаются лепестками ночных орхидей, их шёлк прозрачен днём и светится ночью. Но главное не красота. Главное – память. Ткань запоминает каждое движение тела и воспроизводит его эхом. Сделала шаг – и за тобой тянется шлейф из призрачных шагов. Подняла руку – и десяток рук поднимается следом.

Метафора, ставшая материей. Ты никогда не одна. Даже твои жесты принадлежат не только тебе.

– Госпожа Элис слишком бледная, – пробормотала младшая служанка, пудря щёки.

Старшая дёрнула её за рукав. Говорить не положено. Но глаза – глаза кричали: "Она выглядит мёртвой."

Мёртвой. Элис посмотрела в зеркало. Кожа цвета воска. Глаза провалились. Губы посинели, несмотря на слой помады цвета свежей крови. Служанки старались, но косметика не могла скрыть правду: это тело уже наполовину не её.

Эви вошла без стука. Конечно. Зачем стучать в дверь к себе самой?

– Оставьте нас.

Служанки испарились. Эви подошла к зеркалу, встала за спиной сестры. Два лица в отражении – одинаковые черты, противоположные выражения. Элис – загнанный зверь. Эви – охотник перед триумфом.

– Знаешь, что я вспомнила сегодня ночью? – Эви взяла гребень, начала расчёсывать длинные волосы Элис. Движения нежные, любовные. От них тошнило больше, чем от жестокости. – Тот день, когда мама умерла. Помнишь? Нам было восемь.

Конечно, Элис помнила. Лихорадка Разлома – болезнь, убивающая близнецов. Но мать умирала одна. Её сестра-близнец погибла при родах, оставив мать одиночкой с двумя дочерьми-близнецами. Ирония судьбы.

– Она держала нас за руки. Обоих. И сказала: "Не теряйте друг друга. Обещайте. Что бы ни случилось – оставайтесь вместе."

Гребень зацепился за узелок. Эви дёрнула. Больно.

– Я выполняю обещание. Мы будем вместе навсегда. Разве мама не этого хотела?

Элис открыла рот. Из горла вырвался звук – но не слово. Мычание. Эви рассмеялась, звук колокольчиков на похоронах.

– Прости, забыла. Твои голосовые связки ещё перестраиваются. К полудню заговоришь. Моим голосом, правда, но какая разница? Слова всё равно будут мои.

Ошейник Резонанса защёлкнулся на шее. Холодный хрусталь, вибрирующий в такт сердцебиению. У Элис он пел одну ноту – длинную, тянущуюся, как предсмертный выдох.

– Пойдём. Нельзя опаздывать на собственное перерождение.

Эви взяла сестру за руку. Пальцы переплелись – детский жест близости, превращённый в кандалы. Элис чувствовала пульс сестры через кожу. Сильный. Уверенный. Поглощающий её собственный ритм.

Коридор вёл к храму через Галерею Предков. Портреты близнецов за тысячу лет смотрели со стен. Все парами. Всегда парами. Ловец и Сосуд. Сильный и Жертва. Система, работающая веками.

Кроме одного портрета.

Лилит Беспощадная. Четыреста лет назад. На портрете – девушка удивительной красоты. Но что-то неправильное в лице. Слишком симметричное. Слишком совершенное. Как если две лица наложили друг на друга и усреднили черты.

Под портретом табличка: "Та, что Стала Единой. Правила 30 лет. Уничтожила треть Империи. Убита тысячей пар."

– Вдохновляет, правда? – Эви остановилась у портрета. – Знаешь, что о ней не пишут в учебниках? Она была счастлива. Дневники сохранились в закрытом архиве. Я... достала копии. Она писала, что наконец-то чувствует себя целой. Что голоса в голове – не безумие, а гармония. Что одиночество ушло навсегда.

Пауза. Эви повернулась к сестре.

– Я не хочу быть одинокой, Элис. Никогда. Ты – единственное, что делает меня настоящей. Без тебя я просто... половина. Незаконченное уравнение. Вопрос без ответа.

В словах была искренность. Больная, извращённая, но настоящая. Эви правда любила сестру. Так, как любит паразит хозяина. Как пламя любит дерево. До полного уничтожения.

Двери храма распахнулись.

Внутри ждали тысячи глаз.

И Сердце Богини начало биться быстрее.

Дорогие читатели!

Приглашаю Вас в новинку 16+

Натальи Неждановой

Целительница для герцога: наперекор судьбе

(Предназначена для читателей старше 18 лет)

<https://litnet.com/shrt/oZVvk>

Книга участвует в литмобе "Сестра-злодейка"

Глава 3. Свидетели

Храм Хрустального Сердца был живым существом, притворяющимся архитектурой.

Это понимали не все. Большинство видело величественное здание из переливающегося кристалла, чудо инженерной мысли, святыню Империи. Но некоторые – те, кто умел смотреть правильно – видели правду. Гигантский орган размером с дворец. Сердце Первой Богини, всё ещё быющее через тысячу лет после смерти.

Раз в час – сокращение. Глухой звук, который чувствуешь костями. Между ударами – шестьдесят минут тишины, наполненной ожиданием.

Сейчас до следующего удара оставалось три минуты.

Жрица-Первородная ждала у алтаря. Возраст? Невозможно определить. Может, семьдесят. Может, семьсот. Время странно текло вокруг тех, кто служил мёртвым богам. Платье из замороженных вздохов двигалось в несуществующем ветре. В руках – Чаши Слияния.

Чаша Дарения. Белая. Из черепа первого Сосуда. Чаша Взятия. Чёрная. Из черепа первого Ловца.

Легенда гласила, что это были дети Богини. Первые близнецы. Когда мать взорвалась от одиночества, они поделили её силу. Один брал. Другой давал. Идеальный баланс. Пока Ловец не захотел всё. История стара как мир – жадность разрушает гармонию.

– Элис и Эви Тераморн, – голос жрицы был эхом в пещере. – Подойдите.

Сёстры шли через центральный проход. Толпа расступалась. Шёпот катился волнами:

"Смотри, та что слева – бледная как смерть." "Правая светится. Видишь ауру?" "Что-то неправильное в их походке." "Они двигаются слишком синхронно."

Синхронно. Да. Элис чувствовала это. Её ноги шагали в ритме Эви. Руки качались в том же темпе. Даже моргали одновременно. Тело училось быть отражением.

У алтаря ждали Свидетели.

Первыми подвели двуликих лис. Существа древние, из времён до Разлома. Каждая – с двумя головами на одном теле. Серебряная голова видела душу. Чёрная – намерения. Вместе они читали правду, которую невозможно скрыть.

Лиса подошла к близнецам. Остановилась. Обе головы повернулись... к Эви.

Только к Эви.

Как будто Элис не существовало.

Толпа ахнула. Жрица нахмурилась. Это было невозможно. Двуликие лисы всегда видели обоих близнецов. Всегда.

– Продолжаем, – резко сказала жрица.

Вторая лиса. Результат тот же. Обе головы смотрели на Эви, в глазах животного – замешательство и страх.

Потом выпустили мнемонических стрекоз.

Рой из сотен крошечных существ, каждая с крыльями из застывшего времени. Они жили один день и собирали одно воспоминание – самое яркое, самое важное. Обычно делились поровну между близнецами, показывая баланс их душ.

Весь рой полетел к Эви.

Сотни стрекоз закружились вокруг неё, создавая ореол из радужных крыльев. Воздух звенел от их полёта. А потом...

Одна села на плечо Эви. Там, где под кожей просвечивал металлический узор – эмбрион наплечников, проросший раньше времени.

Стрекоза задрожала. Крылья почернели. Она умерла.

Не от старости. От перегрузки. Воспоминание, которое она пыталась собрать, было слишком тяжёлым. Слишком тёмным. Слишком... двойным.

Тело кристаллизовалось, превратившись в драгоценный камень размером с рисовое зерно. Жрица подняла его, посмотрела на свет.

Внутри – две сцены одновременно. Эви с иглой над спящей Элис. И Элис, кричащая беззвучно изнутри собственного тела.

Два воспоминания об одном моменте. Хищника и жертвы. Слившиеся в один кристалл.

– Терновый разлом, – кто-то прошептал в толпе.

– Как Лилит Беспощадная, – добавил другой голос.

Паника начала расползаться по залу. Некоторые двинулись к выходам. Стражи храма сомкнули копы, блокируя двери.

– ТИШИНА!

Голос жрицы ударил как физическая сила. Древняя магия, накопленная за века служения.

– Церемония продолжается. Чаши покажут истину.

Она взяла Вопрос Крови – нож, выкованный из метеорита, упавшего в ночь смерти Богини. Лезвие, которое не просто резало плоть, но читало суть.

Надрез на ладони Эви.

Кровь капнула в Чашу Взятия.

Чёрная чаша взорвалась светом. Но не обычным. Радужным, переливающимся, показывающим цвета, у которых не было названий. Жидкость в чаше начала вращаться против часовой стрелки, создавая воронку. В центре воронки – точка абсолютной тьмы. Не чёрная. Именно отсутствующая. Дыра в реальности.

Надрез на ладони Элис.

Кровь капнула в Чашу Дарения.

И белая чаша заплакала.

Не метафорически. Буквально. Из камня потекли слёзы – тысячи крошечных капель, каждая шептала голосом:

"Помогите..." "Я исчезаю..." "Кто я..." "Где я..." "Почему никто не видит..."

Голос Элис. Но множественный. Разбитый на осколки. Каждая капля крови содержала фрагмент личности, и каждый фрагмент кричал о помощи.

Жрица уронила нож.

Впервые за пятьсот лет служения она не знала, что делать.

А Сердце Богини пропустило удар.

Впервые за тысячу лет.

Тишина была оглушительной.

А потом Эви рассмеялась.

Глава 4. Мальчик из железа и пепла

Есть три вещи, которые все мудрецы считают истиной: огонь жжёт, вода точит камень, и близнецы не любят одиночек.

Драен Харроу знал, что все три истины – ложь.

Огонь в кузнице его отца танцевал в руках, послушный как домашний зверь. Вода в закалочной ванне превращала мягкое железо в сталь твёрже камня. А Элис Тераморн...

Элис он любил десять лет, три месяца и семнадцать дней.

Не то чтобы он считал специально. Просто некоторые вещи отпечатываются в памяти как шрамы от ожогов – навсегда, с точностью до мгновения.

Первая встреча. Сад при храмовой школе. Она плакала под деревом со стеклянными листьями. Семь лет ей было, мелкая, тощая, с волосами длиннее самой себя. Родинка на шее действительно была похожа на звезду – пятиконечную, идеальную, как будто кто-то специально нарисовал.

"Почему плачешь?" "Сестра сказала, что я некрасивая." "Твоя сестра – дура."

Простой разговор. Детский. Но что-то щёлкнуло в тот момент в груди семилетнего Драена. Как будто нашёл деталь, которой не хватало в механизме. Встал на место последний шестерёнка, и часы пошли.

Сейчас ему семнадцать. Руки – карта шрамов от искр и раскалённого металла. Спина болит по утрам от часов у наковальни. В лёгких осел пепел от тысяч плавок. Он стал тем, кем суждено стать сыну кузнеца – мастером железа.

Но железо было не единственным, что он ковал эти годы.

Каждый вечер, точа нож на крыльце кузницы, он выковывал терпение. Каждое утро, наблюдая, как Элис идёт на занятия, он закалял решимость. Каждую ночь, лёжа без сна и представляя её лицо, он плавил и перековывал любовь, делая её прочнее.

– Опять пялишься на окна Тераморнов?

Эш. Младший брат. Пятнадцать лет хронологически, пятьдесят – цинизмом. Волосы цвета пепла, глаза цвета зимнего неба, язык острее любого клинка в кузнице.

– Я работаю.

– Ты держишь молот, но не бьёшь уже пять минут. Металл остыл. Придётся переплавлять.

Проклятье. Эш был прав. Заготовка на наковальне потеряла красное свечение. Драен сунул её обратно в горн.

– Сегодня Церемония Расщепления, – сказал Эш, устраиваясь на верстаке. Двигался он как кот – плавно, экономно, каждый жест выверен. – Знаешь, что это значит?

– Знаю.

– После сегодняшнего дня она будет или Ловцом, или Сосудом. В любом случае – недоступна. Близнецы не...

– Не встречаются с одиночками. Я в курсе.

– Тогда почему до сих пор не сказал ей? Десять лет, братец. Десять грёбанных лет ты молчишь как рыба.

Драен вытащил заготовку. Ударил молотом. Искры взметнулись фонтаном.

– Потому что слова ничего не изменят. Она близнец. Я одиночка. Вернее...

Он замолчал. Рука автоматически потянулась к боку, где под рубашкой скрывался шрам. Длинный, похожий на улыбку. Или на закрытый глаз.

– Мы оба знаем, что ты не одиночка, – тихо сказал Эш. – Как и я.

Химеры. Вот кем они были. Носители мёртвых близнецов. Драен проглотил брата в утробе. Эш – сестру. Оба выжили с двойным набором органов, двойной кровью, иногда – двойными мыслями.

По закону Империи их должны были утопить при рождении. Но отец скрыл правду. Сказал, что вторые близнецы родились мёртвыми. Сжёг пустые пелёнки на ритуальном костре.

А мальчики росли, уча друг друга скрывать шрамы, молчать о голосах в голове, никогда не раздеваться при посторонних.

– Знаешь, что я думаю? – Эш спрыгнул с верстака. – Ты ждёшь не просто так. Ты чувствуешь что-то. Близнец внутри тебя чувствует.

Драен опустил молот.

– Продолжай.

– Вчера ночью мой шрам горел. Как будто сестра внутри проснулась. Кричала. А твой?

– Тоже.

– И что это значит?

– Не знаю.

Ложь. Драен знал. Чувствовал костями, кровью, вторым сердцем, бьющимся рядом с первым.

Что-то происходило с Элис. Что-то страшное.

– Пойдём на Церемонию, – сказал он, бросая молот.

– Нас не пустят. Химерам запрещено...

– Плевать. Наденем капюшоны. Встанем сзади. Никто не заметит.

– А если заметят?

– Тогда хотя бы увижу её. Последний раз.

Эш покачал головой, но пошёл за братом. Верность – единственное, что оставалось у тех, кто носил мёртвых внутри.

Они не знали, что через час мир изменится.

Что Элис умрёт на их глазах.

И что Драен сделает невозможное – откроет своё сердце для чужой души.

Но пока они просто шли к Храму, два брата-химеры, каждый – с призраком внутри.

А в небе обе луны показались одновременно.

Дурной знак.

Дорогие читатели, хочу представить вам новинку от Лафи Сильвер.

Антизолутика. Вся правда о любви и принцах.

Предназначена для читателей старше 16 лет

<https://litnet.com/shrt/ykqb>

Глава 5. Разрыв

Внутри человека есть комнаты, о которых сам человек не знает.

Элис обнаружила первую комнату, когда её сознание начало проваливаться и случилось в момент, когда Эви коснулась Сердца Богини – древний кристалл признал родственную жадность и запел.

Комната была маленькой. Стены из воспоминаний – не картин, а именно самих воспоминаний, трёхмерных, дышащих. Можно было войти в любое.

Вот ей пять лет. Эви учит её плести косу. Пальцы сестры в волосах нежные, заботливые. "Смотри, вот так. Три пряди. Левая через центр. Правая через центр. Красиво?"

Вот восемь. Мама умирает. Эви держит её за руку так крепко, что остаются синяки. "Не оставляй меня одну. Обещай. Никогда не оставляй."

Вот тринадцать. Первая кровь. Эви находит её плачущей в ванной. Обнимает. Шепчет: "Теперь ты взрослая. Теперь можешь иметь детей. Но зачем тебе дети, если есть я?"

Каждое воспоминание тёплое. Но если присмотреться, в каждом есть трещина. Тонкая. Чёрная. Как если кто-то аккуратно вскрыл момент, вытащил что-то важное и заклеил обратно.

Элис поняла: это воспоминания, из которых Эви украла эмоции. Оставила картинку, забрала суть.

Вторая комната была больше. И страшнее.

Здесь жили не воспоминания, а возможности. Альтернативные версии Элис. Та, которой она могла стать.

Элис-художница с краской под ногтями и счастливой улыбкой. Элис-мать с ребёнком на руках и обручальным кольцом. Элис-путешественница с загорелой кожей и шрамами от приключений. Элис-жрица в платье из звёздного света.

Но все они были полупрозрачными. Угасающими. Как будто кто-то стирал их ластиком.

– Потому что Эви решила за тебя.

Голос. Не её. Не Эви. Третий.

Элис обернулась.

В углу комнаты сидела женщина. Старая. Древняя. Лицо – карта морщин. Но глаза молодые. И точно такие же карие.

– Кто ты?

– Разве не очевидно? Я – ты. Через шестьдесят лет. Если доживёшь.

– Это невозможно.

– Дорогая, ты сейчас внутри собственной души разговариваешь с собственным будущим, пока твоя сестра растворяет твоё настоящее. Давай договоримся, что "невозможно" – относительное понятие.

Старая Элис встала. Подошла ближе. От неё пахло лавандой и ржавчиной.

– Хочешь увидеть правду? Настоящую правду? О том, кто вы с Эви на самом деле?

– Мы близнецы.

– Нет. Вы – эксперимент.

Старуха взмахнула рукой. Стены комнаты растворились.

Они стояли в лаборатории. Древней. Стены из чёрного стекла. В центре – два стеклянных цилиндра с зелёной жидкостью. В каждом – эмбрион.

– Четыреста лет назад, – сказала старая Элис, – после смерти Лилит Беспощадной, жрицы решили создать оружие против будущих Терновых Разломов. Взяли кровь Лилит. Генетический материал её поглощённой сестры. И создали вас.

– Что?

– Вы не родились. Вас вырастили. Элис – чистая жертва, неспособная на насилие. Эви – чистый хищник, неспособный на эмпатию. Идеальные противоположности. Жрицы думали, что вы уравновесите друг друга. Не учли одного.

– Чего?

– Что хищник всегда побеждает. Это его природа.

Лаборатория растворилась. Они стояли в третьей комнате.

Эта была пустой. Абсолютно. Только белые стены и дверь.

– Что за дверь?

– Выход. Обратно в твоё тело. Но если откроешь сейчас, Эви поглотит тебя окончательно.

Ты исчезнешь.

– А если не открою?

– Останешься здесь. В собственной душе. Навсегда. Тело умрёт, но сознание... сознание будет вечно блуждать по этим комнатам.

– Прекрасный выбор.

– Есть третий вариант.

Старуха улыбнулась. Морщины сложились в новый узор.

– Позволь кому-то войти. Извне. Тому, кто достаточно любит, чтобы разделить душу.

– Никто не полюбит настолько сильно.

– Десятилетняя любовь кузнеца говорит обратное.

Элис замерла.

– Драен здесь?

– В Храме. Наблюдает, как ты умираешь. Сейчас он принимает решение. Страшное решение.

– Какое?

– Разбудить своего мёртвого близнеца. Стать полной химерой. Чтобы иметь силу забрать тебя из Эви.

– Это убьёт его!

– Или сделает сильнее. Любовь – странная алхимия. Превращает яд в лекарство. Смерть в жизнь. Двоих в одного.

Дверь задрожала. С той стороны кто-то колотил.

Голос Эви, искажённый яростью:

– ОТКРОЙ! ТЫ МОЯ! ОТКРОЙ СЕЙЧАС ЖЕ!

– Решай, – сказала старая Элис. – Сдаться. Спрятаться. Или довериться.

Элис посмотрела на дверь. На старуху. На свои руки – полупрозрачные уже, исчезающие.

И сделала выбор.

– Драен, – прошептала она в пустоту. – Если слышишь... приди за мной.

Где-то далеко, в реальном мире, мужчина с ножом в боку услышал.

И ответил.

Дорогие читатели,

приглашаю вас в шестую книгу литмоба «Сестра-злодейка»

«Истинная неприятность для дракона»

Катарины Каррас

ТОЛЬКО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ (16+)

<https://litnet.com/shrt/f4RQ>

Иллюстрации_ВЗРОСЛЕНИЕ ЭЛИС и ЭВИ

Серебряная мать говорит: *отдавай.*

Багровая пожирательница: *бери.*

Мозг пытается сделать оба приказа одновременно.

Разрывается.

Именно так.

*Одиночки не могут родиться.
Но иногда... иногда в утробе начинается процесс деления, а потом что-то идёт не так.
Один из близнецов поглощает другого.
В первые недели, когда они ещё крошечные, ещё не сформированные.*

Один растёт, другой исчезает, растворяется, становится частью брата или сестры.

Глава 6. Пробуждение мёртвых

Боль – честная с*ка. Она не врёт, не приукрашивает, не щадит чувства. Когда Эш вогнал нож в шрам на боку Драена, боль сказала правду: ты идиот, и сейчас умрёшь.

Кровь хлынула двумя потоками. Красная – Драена. Чёрная – того, кто спал внутри семнадцать лет.

– Твою мать, – выдохнул Эш, глядя на растущую лужу. – Он действительно там. Живой.

Не живой. Не мёртвый. Что-то между. Близнец, которого Драен поглотил в утробе матери, существовал как паразит. Второе сердце. Вторая печень. Второй набор мыслей, обычно спящих.

Теперь не спящих.

Братик.

Голос в голове Драена был его собственным, но младше. Словно говорил семнадцатилетний ребёнок.

Наконец-то. Думал, никогда не разбудишь. Скучно тут. Темно. Один.

– Кто ты? – прохрипел Драен, прижимая рану.

Забыл? Я – Дрейк. Твой старший на три минуты. Технически. Если бы родился.

– Ты мёртв.

Нет. Просто не родился. Разница. Мёртвые не думают. Я думаю. Следовательно.

Философствующий паразит. Прекрасно.

– Мне нужна твоя сила, – сказал Драен. – Девушка, которую люблю...

Знаю. Чувствовал каждый раз, когда думал о ней. Кстати, отвратительно слащаво. Десять лет страданий. Мог бы просто сказать.

– Заткнись и помоги.

Хорошо. Но цена.

Всегда есть цена. В сказках герои получают силу даром. В жизни даром только пинки под зад.

– Какая?

Хочу жить. По-настоящему. Иногда управлять телом. Ходить. Есть. Трахаться.

– Эй! – возмутился Эш.

Что? Семнадцать лет в темноте. Есть приоритеты.

Драен кивнул. Выбора не было. Элис умирала. Он чувствовал это вторым сердцем – оно билось всё медленнее, синхронизированное с её пульсом неведомым образом.

– Согласен. Раз в неделю. Тело твоё на день.

Два дня.

– Полтора.

Договорились. Готовься. Будет больно.

Это было преуменьшение века.

Второй близнец начал разворачиваться внутри. Не физически – метафизически. Душа, свёрнутая в клубок семнадцать лет, распрямлялась. Органы перестраивались. Кости трещали, принимая двойную нагрузку.

Драен упал на колени. Заорал. Кровь потекла из носа, ушей, глаз.

– Держись! – Эш поддержал брата. – Не смей умирать!

Но Драен не умирал. Менялся.

Мышцы уплотнялись. Кожа темнела местами, оставаясь светлой в других – пятнистый узор двух тел в одном. Глаза... левый остался серым. Правый стал карим.

Вторая рука выросла из спины. Не полноценная – призрачная, полупрозрачная, но функциональная.

– Какого... – начал Эш.

Драен встал. Теперь в его движениях была странная двойственность. Шаг левой ногой – уверенный. Правой – с ленцой.

– Мы готовы, – сказал он. Голос двоился, как плохая аудиозапись. – Где она?

Эш указал на центр Храма.

Элис лежала на алтаре. Мёртвая. Эви стояла над ней, руки погружены в Сердце Богини, лицо сияло экстазом.

– План? – спросил Эш.

– Никакого плана. Иду за ней.

– Это самоубийство!

– Нет. Это любовь.

Драен/Дрейк направился к алтарю. Толпа расступалась в ужасе. Химера в Храме. Полная химера. Преступление против природы, богов и здравого смысла.

Жрица-Первородная подняла копьё из кости.

– Стой, мерзость!

– Отвали, старуха.

Третья рука – призрачная – сбила копьё. Жрица отлетела к стене.

Эви обернулась. В глазах полыхнуло узнавание.

– Мальчик-кузнец. Пришёл попрощаться?

– Пришёл забрать то, что ты украла.

– Она моя!

– Она – своя. А я – её, если захочет.

Эви рассмеялась. Наплечники Тернового Разлома на её плечах вспыхнули радужным огнём.

– Химера против Разлома? Мерзость против совершенства?

– Любовь против одержимости, чёрт ее побери.

Драен прыгнул.

Не к Эви. К телу Элис.

В момент касания мир взорвался болью и светом. Потому что душа Элис, запертая между жизнью и смертью, почувствовала родственную душу. Ту, что ждала десять лет.

Портал открылся.

Внутрь.

В пространство, где Элис пряталась от сестры.

Драен/Дрейк провалился в чужую душу.

Эви взвыла.

Битва началась. Но не снаружи.

Внутри.

В месте, где три души боролись за одно тело.

Дорогие друзья,

представляю вам новинку "Младшая принцесса: инструкция по выживанию"!

Только для лиц старше 16 лет.

[<https://litnet.com/shrt/5tUM>]

Глава 7. Танец трёх

Внутреннее пространство души не подчиняется законам физики. Здесь можно быть в трёх местах одновременно. Время течёт вспять и вперёд одновременно. Мёртвые говорят, живые молчат, а те, кто между – танцуют.

Драен нашёл Элис в белой комнате.

Она была прозрачной. Почти исчезнувшей. Контур из света и памяти.

– Ты пришёл.

– Всегда приду.

– Это убьёт тебя. Нас. Всех.

– Тогда умрём вместе.

– Романтично и глупо.

Это сказал Дрейк, материализовавшись рядом. В пространстве души он выглядел как Драен, но зеркальный. Где у Драена шрам – у Дрейка гладкая кожа. Где мозоль – нежность.

– Кто это? – спросила Элис.

– Мой мёртвый близнец. Теперь не очень мёртвый.

– Привет, красавица. Он о тебе думал каждую ночь. Противно было слушать.

– Дрейк!

– Что? Правда же.

Элис рассмеялась. Слабо, но искренне. Первый раз за пять дней.

Потом белая комната треснула.

Эви ворвалась как ураган из ножей и жажды. Но здесь, в пространстве души, она выглядела иначе. Не красивой сестрой. Дырой в форме человека. Отсутствием, притворяющимся присутствием.

– МОЯ! – голос ударил со всех сторон. – ОНА МОЯ ЧАСТЬ! МОЯ ДУША! МОЁ ЗАВЕРШЕНИЕ!

– Знаешь, в чём твоя проблема? – спросил Дрейк. – Ты думаешь, любовь – это владение. Но любовь – это отпускание.

– Что ты знаешь о любви, паразит?

– Больше, чем ты. Я семнадцать лет жил внутри брата. Мог забрать тело. Подчинить. Стать главным. Не стал. Потому что любил его достаточно, чтобы позволить жить.

Эви замерла.

– Врёшь.

– Нет. Смотри.

Дрейк протянул руку. В пространстве души жесты имели вес. Его ладонь светила – семнадцать лет молчаливой любви к брату, который даже не знал о его существовании.

– Вот что такое любовь. Существовать рядом. Не требовать. Не забирать. Просто... быть.

Эви посмотрела на свои руки. Они были чёрными. Липкими. Покрытыми остатками украденного у Элис.

– Нет. НЕТ! Это неправильно! Она должна быть со мной! Во мне! Мной!

Она бросилась вперёд.

Драен встал между ней и Элис.

Столкновение было... странным. В пространстве души борьба идёт не телами. Волей. Памятью. Любовью против одержимости.

Каждый удар Эви – украденное воспоминание, превращённое в оружие. Первая улыбка Элис. Её голос. Её мечты.

Каждый блок Драена – собственное воспоминание об Элис. Свободной. Отдельной. Настоящей.

Дрейк атаковал с другой стороны, используя то, чего Эви не ожидала – сочувствие.

– Ты одинока, да? – сказал он, уворачиваясь от удара. – Всегда была. Даже с сестрой рядом. Потому что созданная, не рождённая. Оружие, не человек.

– ЗАТКНИСЬ!

– Жрицы сделали тебя чистым хищником. Но хищники не умеют любить. Только охотиться. И ты охотилась на единственного человека, который мог тебя полюбить.

– Она любит меня!

– Любила. До того, как ты начала красть.

Эви остановилась. В пространстве души невозможно лгать. Правда имеет текстуру, запах, вес.

– Я... я не умею иначе.

– Умеешь. Просто страшно.

Это сказала Элис. Она встала – всё ещё полупрозрачная, но стоящая.

– Эви, я любила тебя. Сестру. Не хозяйку. Не поглотительницу. Сестру. Но ты убила ту Эви, когда начала красть.

– Я пыталась стать ближе!

– Стала дальше.

Тишина в белой комнате. Три души и отсутствие четвёртой стояли квадратом.

– Отпусти меня, – сказала Элис. – Пожалуйста.

– Не могу. Ты уже часть меня. Буквально. Пять дней трансформации. Если отпущу – мы обе умрём.

– Тогда я возьму её часть.

Драен шагнул вперёд.

– Ту часть, что уже в тебе. Буду носить, пока не найдём способ вернуть Элис целиком.

– Это невозможно!

– Я ношу Дрейка семнадцать лет. Справлюсь с третьей душой.

– Четвёртой, – поправил Дрейк. – Не забывай меня.

– Технически ты часть меня.

– Технически пошёл ты.

Несмотря на ситуацию, Элис снова рассмеялась.

Эви смотрела на них. На троих, шутящих перед лицом смерти. На лёгкость их связи. На любовь без одержимости.

– Я всегда буду одна, да?

– Не обязательно, – сказала Элис. – Но сначала научись быть собой. Не мной. Не нами. Собой.

Эви опустила руки. Чёрная субстанция украденного начала стекать с них, возвращаясь к Элис.

Но процесс был неполным. Слишком много уже вросло, стало частью Эви.

– Я могу вернуть примерно половину, – сказала она тихо. – Остальное... простите.

– Достаточно, – сказал Драен. – Половина Элис лучше, чем никакой.

– Эй! – возмутилась Элис.

– Ты поняла, что я имею в виду.

Обмен начался. В пространстве души это выглядело как танец. Эви отпускала нити, связывающие её с Элис. Драен подхватывал их, вплетал в себя. Дрейк помогал, создавая место для чужой души в их общем теле.

Боль была чудовищной.

Но есть боль, которая того стоит.

Когда закончилось, они стояли изменённые.

Эви – уменьшенная, но свободная. Элис – половинная, но живая. Драен/Дрейк – тройные, но целые.

– Теперь что? – спросила Эви.

– Теперь возвращаемся, – сказал Драен. – И разбираемся с последствиями.

Белая комната начала растворяться.

Реальность звала обратно.

К телам. К боли. К сложному будущему трёх душ в одном теле и одной души, учащейся быть одинокой.

Но живых.

Это главное.

Дорогие друзья, представляю вашему вниманию новинку Эни Кей
“Невеста для проклятого”

<https://litnet.com/shrt/OIPQ>

Глава 8. Цена жизни

Первый закон метафизической алхимии: душа имеет вес. 21 грамм для одной, 42 для близнецов, 63 для химер. Но что происходит, когда в одном теле 84 грамма души?

Ответ узнал Драен, открыв глаза в Храме.

Кровь. Везде кровь. Из носа, ушей, глаз, даже пор. Тело буквально разрывалось изнутри, неспособное вместить три полноценных души и остатки четвёртой.

– Держи его! – кричала жрица-Первородная.

Странно. Минуту назад она хотела убить химеру. Теперь пыталась спасти.

– Невозможная конфигурация! – бормотала она, прикладывая руки к его груди. – Три сердца бьются! Как три сердца?!

Технически – два физических и одно метафизическое. Сердце Элис существовало как эхо, как память о пульсе, но качало вполне реальную кровь.

– Эш! – позвал Драен/Дрейк/частично-Элис.

Да, это становилось запутанным.

– Здесь! – младший брат протолкался через толпу. – Какого чёрта с твоими глазами?

Три глаза. Два физических – серый и карий. Третий, на лбу – призрачный, видимый только под углом. Глаз Элис.

– Потом объясню. Где Эви?

– Там.

Эви лежала у алтаря. Живая, но изменённая. Наплечники Тернового разлома почернели, часть отвалилась. Она выглядела... меньше. Как будто сдулась.

– Она вернула часть украденного, – объяснил Драен. – Но процесс неполный. Элис застряла. Часть во мне, часть в ней, часть... потеряна.

– И что теперь?

Хороший вопрос.

Жрица-Первородная встала, отряхнула платье.

– Теперь суд. Преступления совершены. Химера в Храме. Попытка поглощения. Осквернение Сердца Богини.

– Серьёзно? – взорвался Эш. – Они только что совершили чудо! Разорвали слияние! Спасли душу!

– Создали абомина

цию. Посмотри на своего брата, мальчик. Он больше не человек.

Технически правда. Драен чувствовал изменения. Мысли текли тремя потоками. Левая рука хотела коснуться Элис. Правая – ударить Эви. Призрачная третья – обнять обеих.

*Это п**ц запутанно*, – подумал Дрейк.

Согласна, – отзывалась Элис в их общей голове.

– Я требую Испытания Сердцем! – вдруг крикнула Эви.

Толпа ахнула. Испытание Сердцем – древний ритуал. Сердце Богини судит душу. Чистая – живёт. Грязная – сгорает.

Проблема: никто не знал критериев чистоты у мёртвой богини.

– Это твоё право, – скрепя сердце признала жрица. – Но если сгоришь...

– Знаю.

Эви встала. Пошла к пульсирующему кристаллу. Положила руки на поверхность.

Сердце Богини вспыхнуло.

Но не огнём. Светом. Чистым, белым, ослепляющим.

Внутри света все увидели.

Правду.

Лабораторию четыреста лет назад. Жриц, создающих оружие против Терновых Разломов. Два эмбриона в колбах. Генетические эксперименты. Элис и Эви – не близнецы. Искусственные конструкторы. Живое оружие, вышедшее из-под контроля.

– Ложь! – крикнула жрица-Первородная.

Но Сердце не лгало. Показало больше.

Мать девочек – тоже эксперимент. Первая химера, созданная искусственно. Жрицы влили в неё душу мёртвого близнеца, создав идеальный инкубатор для оружия.

Отец – не человек вообще. Конструктор из воспоминаний, призванный обеспечить "нормальное" детство.

Вся жизнь сестёр – ложь. Спектакль. Эксперимент по созданию управляемого Тернового Разлома.

Провалившийся.

– Вы знали, – прошептала Эви, глядя на жрицу. – Всегда знали. Наблюдали. Ждали, когда я сломаюсь. Когда начну поглощать.

– Для науки, – ответила жрица. Без стыда. – Нужно понимать врага.

– Мы не враги. Мы жертвы.

Сердце Богини забилося быстрее. Показало ещё.

Сотни экспериментов. Тысячи созданных и уничтоженных пар. Целая программа по выведению идеального оружия.

И финальный образ.

Лилит Беспощадная. Живая. Прямо сейчас. В подвалах Храма. В стазисе четыреста лет, изучаемая, препарированная, но живая.

– Это невозможно, – выдохнул кто-то.

– Очевидно, возможно, – ответил другой.

Жрица-Первородная побледнела.

– Это секретная информация! Сердце не имеет права!

Сердце Богини взорвалось смехом. Не звуком – вибрацией, сотрясшей Храм до основания.

Потом заговорило. Впервые за тысячу лет.

Я СУЖУ.

Голос был всем и ничем. Мужским и женским. Древним и молодым.

ЭВИ ТЕРАМОРН. СОЗДАННАЯ КАК ОРУЖИЕ. СТАВШАЯ ЧЕЛОВЕКОМ ЧЕРЕЗ СТРАДАНИЕ. ОТПУСТИВШАЯ ЛЮБОВЬ. ОПРАВДАНА.

Эви упала на колени, рыдая.

ДРАЕН ХАРРОУ. ДРЕЙК ХАРРОУ. ЭЛИС ТЕРАМОРН. ТРИ В ОДНОМ. АБОМИНАЦИЯ ПО ФОРМЕ. ЧУДО ПО СУТИ. РАЗРЕШЕНЫ К СУЩЕСТВОВАНИЮ.

Драен почувствовал, как напряжение в теле спадает. Три души синхронизировались, находя баланс.

ЖРИЦА-ПЕРВОРОДНАЯ И СОВЕТ. ВИНОВНЫ. В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ. В СОЗДАНИИ ЖИЗНИ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ. В ЛЖЕТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ.

– Нет! – жрица попыталась бежать.

Поздно.

Сердце Богини открыло себя. Внутри – не кристалл. Пространство. Бесконечное. Тёмное. Полное глаз.

Жрица и половина Совета втянулись внутрь. Их крики оборвались мгновенно.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНА. ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПРЕКРАЩЕНЫ. ЛИЛИТ БЕСПОЩАДНАЯ БУДЕТ ОСВОБОЖДЕНА И ИСЦЕЛЕНА. НОВЫЙ ПОРЯДОК НАЧИНАЕТСЯ.

Сердце замолкло. Вернулось к обычному ритму – удар в час.

В тишине Эви подползла к Драену.

– Элис... она там? Внутри тебя?

– Да. Говорит, что не злится. Но разочарована.

– Я понимаю.

– Говорит, что однажды, может, простит. Когда научишься быть собой, а не её тенью.

Эви кивнула. Слезы текли по щекам.

– Я попробую.

Эш подошёл, протянул руку Драену.

– Вставай, урод трёхголовый. Идём домой.

– Технически у меня одна голова.

Две, – поправил Дрейк.

Три, – добавила Элис.

– Заткнитесь все.

Они встали. Четыре тела, семь душ, одна разрушенная судьба.

Но живые.

А Лилит Беспощадная начала просыпаться в подвалах.

История только начиналась.

Мои дорогие!

Предательство, месть и новая жизнь в фэнтези

Предназначено для читателей старше 18 лет

<https://litnet.com/shrt/OqE7>

Глава 9. В доме химер

Жизнь с тремя душами в одном теле имела свои неудобства.

Например, завтрак.

– Яйца, – сказал Драен.

Бекон, – возразил Дрейк.

Я вегетарианка, – напомнила Элис.

– Может, просто хлеб?

Скучно.

Я не ем глютен.

– Когда ты успела стать "не ем глютен"?!

Пока была мертва, было время подумать о здоровье.

Эш наблюдал за братом, спорящим с самим собой, и медленно жевал яблоко.

– Знаешь, это жутко выглядит со стороны.

– Представь, каково изнутри.

Прошла неделя после Катастрофы – так газеты окрестили события в Храме. Жрица-Первородная и половина Совета исчезли в Сердце Богини. Эви отправили в изоляцию для "восстановления души". А Драен/Дрейк/Элис...

Ну, они пытались научиться жить.

Первая проблема: сон.

Три сознания не могли спать одновременно. Пока Драен спал, Дрейк смотрел его сны и комментировал. Элис пыталась дать им приватность, но в одной голове сложно найти отдельную комнату.

Вторая проблема: туалет.

Об этом они договорились не говорить. Никогда.

Третья проблема: романтика.

Потому что Драен любил Элис. Которая была в нём. Буквально. Что делало любые романтические жесты... неловкими.

Можешь поцеловать зеркало, – предложил Дрейк.

– Это нарциссизм.

Технически это самоцест.

Мальчики, можно я умру обратно?

Дверь кузницы распахнулась. Вошла неожиданная гостья.

Эви.

Похудевшая. Бледная. Но живая.

– Привет, – сказала она тихо.

– Какого хрена ты здесь? – Эш вскочил, хватая молот.

– Я... мне разрешили выход. Под надзором. – Она показала браслет на запястье, светящийся синим. – Ограничитель. Не могу использовать магию. Не могу приближаться к Храму. Не могу...

– Красть души?

– Да.

Неловкая тишина.

Скажи что-нибудь, – пихнула Элис.

– Эм... чай?

– Что?

– Хочешь чаю?

Эви моргнула.

– Ты предлагаешь мне чай? После всего?

– Элис настаивает.

Не выдавай меня!

– То есть... она там? Может слышать?

– Да.

– Я могу... поговорить с ней?

Драен вздохнул. Закрыв глаза. Когда открыл – левый был карим. Глаз Элис.

– Привет, Эви.

Голос был Драена, но интонации – Элис. Мягче. Теплее. Прощающее.

Эви всхлипнула.

– Элис, я... прости. Прости за всё. За кражи. За боль. За попытку поглотить.

– Знаю. Но прощение требует времени.

– Сколько?

– Не знаю. Может, годы. Может, никогда. Но... я готова попробовать. Если ты тоже.

Эви кивнула. Слезы капали на пол кузницы.

– Есть кое-что, – сказала она, доставая свёрток. – Я нашла это в архивах. До того, как их опечатали.

Развернула.

Внутри – кристалл. Но не обычный. Формой как сердце. Размером с кулак. Пульсирующий.

– Это...

– Искусственное тело. Жрицы разрабатывали для переноса душ. Не довели до конца, но... теоретически можно вырастить новое тело для Элис. Отдельное.

Все замерли.

Это правда? – спросила Элис.

– Есть catch, – добавила Эви. – Нужен генетический материал. Кровь, волосы, что-то. И... донор жизненной силы. Кто-то должен отдать годы жизни, чтобы тело выросло.

– Сколько лет?

– Десять. Минимум.

Тишина.

– Я отдам, – сказала Эви. – Это меньшее, что могу.

– Я тоже, – добавил Драен.

Нет! – Элис внутри запротестовала. *Не хочу красть твои годы!*

– Это не кража. Это подарок.

А Дрейк?

Меня не спрашивали, но пофиг. У меня их семнадцать накопилось, пока мёртвым был. Могу поделиться.

Эш закатил глаза.

– Вы все идиоты. Но... я тоже дам пару лет. Для баланса.

Эви посмотрела на него с удивлением.

– Ты меня ненавидишь.

– Да. Но Элис – нет. А она заслуживает жить.

Кристалл в руках Эви запульсировал ярче.

Словно почувствовал жертву. Любовь. Прощение.

– Тогда решено? – спросила она.

– Решено, – кивнул Драен.

Спасибо, – прошептала Элис. *Всем.*

И впервые за неделю три души в одном теле почувствовали не тесноту, а тепло.

Может, из этого кошмара выйдет что-то хорошее.
Может, любовь действительно сильнее поглощения.
Может.

Тринадцатая дочь повелителя хаоса### 16+

<https://litnet.com/shrt/wput>

Глава 10. Лилит пробуждается

В подвалах Храма было тридцать три уровня. Официально. На самом деле тридцать четыре, но последний не существовал. Парадокс? Нет. Просто он был не в нашем пространстве.

Туда спускались по лестнице, которая шла вверх.

Драен с группой спускался-поднимался уже час. С ним: Эви (прощённая условно), Эш (злой перманентно) и новая Жрица-Временная – девочка лет двенадцати по имени Веспера, единственная, кого Сердце Богини сочло достойной.

– Напомните, зачем мы это делаем? – спросил Эш, держась за стену. Или потолок. В не-пространстве сложно определить.

– Сердце приказало освободить Лилит, – ответила Веспера. У неё был голос старухи в теле ребёнка. Жуть.

– И мы просто... освободим четырёхсотлетнюю психопатку?

– Она не психопатка. Она жертва. Как Эви. Как Элис. Как все мы.

Глубоко, – прокомментировал Дрейк.

Заткнись, – ответили Драен и Элис хором.

Они достигли не-двери. Она была там и не была. Твёрдая для тела, прозрачная для взгляда.

Веспера достала ключ из собственного ребра. Буквально. Сунула руку в грудь, вытащила светящуюся кость.

– Новые жрицы хардкорные, – присвистнул Эш.

– Это необходимость. Обычный ключ не откроет концептуальную дверь.

Кость-ключ вошла в отсутствие замка. Повернулась в несуществующем механизме.

Дверь не открылась. Она перестала быть дверью. Стала проходом.

За ней...

Сад.

Невозможный, прекрасный, ужасный. Деревья росли корнями вверх. Цветы пели хором погребальные песни. В центре – стеклянный гроб.

Внутри – Лилит.

Но не такая, как на портретах. Не красивая. Не совершенная. Не единая.

Две девушки, сплавленные воедино. Левая половина – одна сестра. Правая – другая. Лицо расколото по центру, один глаз карий, другой зелёный. Волосы с одной стороны чёрные, с другой – белые.

И она не спала.

Смотрела. Четыреста лет смотрела в стеклянный потолок гроба. При их приближении глаза – оба – повернулись.

– Наконец-то, – сказала левая половина рта.

– Заждались, – добавила правая.

Голоса разные. Одна сестра сопрано, другая альт. Диссонанс резал уши.

Веспера подошла к гробу. Приложила руку-ключ к стеклу.

– Лилит Беспощадная, или как вас звали до Слияния?

– Лилиана, – левая сторона.

– Литания, – правая.

– Мы пришли освободить. Сердце Богини даровало прощение.

Двойное лицо улыбнулось. Жутко – мышцы не синхронизированы, каждая половина улыбается по-своему.

– Прощение? После четырёхсот лет пыток? Вивисекций? Экспериментов? Мило.

– Вы... помните всё?

– Каждую. Секунду. Агонию. Когда отрезали куски посмотреть, как регенерируем. Когда вливали яды проверить иммунитет. Когда разделяли души и сшивали обратно.

Эви побледнела. Узнавала себя в этом описании. Жертву, ставшую монстром.

– Простите.

– За что? – спросила Лилит-Лилиана-Литания. – Не вы мучили. Вы такая же подопытная. Чувствую родственную душу. Точнее, души. Три? Четыре? Сложно разобрать.

– Три с половиной, – ответил Драен. – Длинная история.

– У меня было четыреста лет. Люблю длинные истории.

Вespera повернула руку-ключ. Стекло начало таять. Не трескаться – именно таять, стекая как вода.

Лилит села. Встала.

Она была голая. Швы по всему телу – места, где сёстры срослись. Шрамы от экспериментов созвездиями на коже. И наплечники...

Терновый разлом за четыреста лет врос до костей. Металлические крылья проходили сквозь тело, входили в спину, выходили из груди. Живые органы оплетены мёртвым металлом.

– Больно? – спросила Элис через Драена.

– Всегда. Но привыкаешь. Как вы привыкли к тесноте троих в одном черепе.

Лилит пошла к выходу. Каждый шаг – борьба двух волей за контроль над общими ногами.

– Куда пойдёте? – спросила Вespera.

– Сначала – поесть. Четыреста лет. Хочу мясо. Сырое. Кровавое.

– Это... специфично.

– Потом найду тех, кто остался из моих мучителей. И поговорю. Спокойно. Без насилия. Просто объясню, каково это – быть подопытной крысой.

– Месть не решение.

Лилит остановилась. Обе половины лица повернулись к девочке-жрице.

– Не мечь. Образование. Они должны понять, что создали. Зачем. И почему не стоило.

Пауза.

– А потом... не знаю. Четыреста лет планировала мечь. Но устала. Может, просто найду тихое место и научусь быть собой. Нами.

Она посмотрела на Драена.

– Вы научитесь жить втроём. Мы за четыреста лет не научились вдвоём. Но надежда умирает последней. Или предпоследней, в нашем случае.

И она ушла. Две сестры в одном теле, древние, мудрые, сломанные, но несломленные.

– Думаете, она правда не будет мстить? – спросил Эш.

– Нет, – ответили все одновременно.

Но это уже не наша проблема, – добавил Дрейк.

Они поднимались-спускались обратно. Из подвала, которого не было. От монстра, который был жертвой. К жизни, которая только начиналась.

И где-то в городе Лилит Беспощадная заказывала в таверне самый кровавый стейк и пугала посетителей двойной улыбкой.

Мир менялся.

К лучшему ли – покажет время.

Глава 11. Зеркало пожирает отражение

Кровь химеры не похожа на человеческую. Густая, как смола. Чёрная с серебристыми прожилками. Пахнет формальдегидом и гниющими лилиями. Драен знал её вкус — собственную кровь пробуешь, когда мёртвый близнец внутри прогрызает путь к поверхности, пытаясь вырваться из тюрьмы твоей грудной клетки. Знал её консистенцию — как мёд, смешанный с ртутью. Знал её температуру — всегда на два градуса холоднее, чем должна быть, потому что половина её принадлежит мертвецу.

Сейчас эта кровь заливала пол храма Хрустального сердца чёрными лужами, в которых отражались не лица, а то, что пряталось под лицами.

Эш корчился в углу, и его агония была прекрасна в своей честности. Рёбра выгибались наружу, как пальцы, тянущиеся из могилы. Под кожей двигалось второе лицо — мёртвый близнец прогрызал себе выход через грудину брата. Глазница проступала там, где должен быть сосок. Зубы прорезались сквозь рёбра, улыбаясь перевёрнутой улыбкой.

— Знаешь, что самое мерзкое в химерах? — прошептала Эви, кружа вокруг сестры. Металлические крылья её тернового разлома капали не кровью — ихором, субстанцией из Межмирья, которая разъедала реальность, как кислота разъедает плоть. Где капли падали на пол, камень не растворялся — переставал существовать, оставляя дыры в самой концепции «пола». — Вы носите трупы внутри себя и называете это жизнью. По крайней мере, я честна в своём каннибализме. Я пожираю живых.

Элис не ответила. После возвращения из мёртвых её голос изменился — стал глубже, с подтоном, который резонировал не в ушах, а в костном мозге. Вертикальные зрачки расширились, поглощая радужку. В этих глазах плескалась пустота мест, где душа побывала, пока металась между телами. Места, где время течёт назад. Где энтропия работает наоборот. Где смерть рождает жизнь, пожирая её изнутри.

Храм начал изменяться. Не перестраиваться — мутировать. Кристаллические стены проступили венами, по которым текла не кровь, а воспоминания всех, кто умер здесь за тысячу лет. Каждое воспоминание — отдельный крик, застывший в минерале. Тысячи близнецов прошли церемонию расщепления в этих стенах. Половина стала Сосудами — медленно умирающими батарейками для своих пар. Их предсмертные вздохи кристаллизовались в стенах, превратились в узоры, которые при правильном освещении складывались в лица. Искажённые болью лица подростков, которые прожили жизнь, отдавая себя по кусочкам.

Пол стал мягким, органическим, покрылся ресничками, которые ощупывали ступни идущих. Каждая ресничка — это окаменевшая слеза. Храм веками впитывал горе, и теперь оно проросло, как грибница после дождя. Потолок опустился утробой, пульсирующей в ритме Сердца богини. Из складок капала не влага — концентрированная тоска, которая при попадании на кожу вызывала мгновенную депрессию, настолько глубокую, что несколько стражников просто легли на пол и перестали дышать, потому что не видели смысла продолжать.

Само Сердце... изменилось. Кристалл треснул, как яйцо, и изнутри просочилась жидкость цвета, которого не должно существовать — ультрафиолетовый, видимый человеческим глазом, вызывающий мгновенную мигрень от попытки его воспринять. Жидкость не капала вниз. Растекалась во все стороны одновременно, игнорируя гравитацию, создавая лужи на стенах, потолке, в воздухе. Где жидкость касалась живой плоти, плоть начинала помнить. Помнить время до рождения, когда была частью звёздной пыли. Помнить будущее, где станет прахом. Помнить альтернативные версии себя из параллельных миров, где сделала другой выбор.

— Богиня просыпается, — прошептала жрица Терена, и в её древнем голосе звучал ужас ребёнка, увидевшего, как из-под кровати лезет то, чему не должно быть имени.

Драен стоял в центре своего ритуального круга, девяностолетний старик в теле семнадцатилетнего юноши — парадокс, от которого рвалась причинно-следственная связь. Морщины проступали и исчезали, как волны на воде. Волосы седели и темнели с каждым вдохом. Его мёртвый близнец больше не прятался. Проступил сквозь кожу, как проявляется фотография в химикатах. Два лица на одной голове — одно смотрело вперёд, другое назад, в прошлое, которого не было. Четыре руки, растущие из двух плеч — две из плоти, две из воспоминаний о плоти. Одно сердце, бьющееся в двух ритмах одновременно — живой ритм Драена и мёртвый антиритм близнеца, отрицающий каждый удар.

Но хуже всего были мысли. Не свои. Не близнеца. Мысли Элис, которую он носил в себе эти драгоценные минуты. Мысли существа, побывавшего по ту сторону смерти и вернувшегося не целым. В её сознании зияли дыры — места, где должны быть воспоминания, но остались только контуры. Как фотографии, где вырезали лица. Как книги с вырванными страницами. Как песни без половины нот. Драен чувствовал эти пустоты, как языком чувствуешь дырку от выпавшего зуба — навязчиво, постоянно, с извращённым удовольствием от боли.

И в этих дырах... что-то жило. Не Элис. Не Эви. Что-то древнее. Что-то, что ждало в пространстве между душами, питаясь остатками близнецов, которые не смогли родиться. Оно нашёптывало Драену секреты, которые нельзя знать живым. О том, что смерть — это не конец, а трансформация в нечто худшее. О том, что каждый близнец — это неудавшаяся попытка природы создать одно совершенное существо из двух дефектных. О том, что богиня разорвала себя не от одиночества, а от отвращения к собственному совершенству.

Первый удар разорвал воздух пополам. Буквально. Через разрыв просвечивало Межмирье — не пустота, а анти-пространство, где существуют вещи, отвергнутые реальностью. Отброшенные варианты эволюции. Мертворождённые боги. Мысли, которые убивают думающего. Оттуда высунулось нечто — не рука, не щупальце, а сама идея хватания, воплощённая в псевдоплоти. Схватило одного из стражников, втянуло в разрыв. Крик оборвался на полуноте — в Межмирье нет воздуха для звука.

Эви атаковала металлическими крыльями, каждое перо — отдельное лезвие, способное резать не только материю, но и концепции. Одно перо рассекло идею расстояния — Эви оказалась одновременно здесь и там, атакуя с противоположных сторон. Другое перо разрежало время — удар пришёл раньше, чем был нанесён, создавая парадокс, от которого у наблюдающих шла кровь из ушей. Третье перо резануло саму причинность — следствие произошло без причины, Элис истекала кровью из ран, которые ещё не были нанесены.

Элис защищалась иначе. Её терновый разлом рос внутрь, в места, где внутрь быть не может. В четвёртое измерение. В пространство между атомами. В паузы между ударами сердца. Металл существовал везде и нигде, создавая защиту из парадокса — нельзя ранить то, что одновременно есть и его нет. Каждый шип её наплечников был временной петлёй, где начало встречалось с концом. Каждая чаша — чёрной дырой, поглощающей не материю, а намерения. Эви хотела ударить — и желание исчезало в чаше, оставляя только пустое движение.

Когда сёстры сцепились, их наплечники переплелись в структуру, напоминающую ДНК из кошмара. Двойная спираль из металла и плоти, где каждое звено — украденное воспоминание, каждый виток — предательство. Металл врастал друг в друга, но не сливался. Боролся. Каждый шип искал сердце противника. Каждая чаша пыталась выпить душу врага. Там, где металлы соприкасались, рождались искры — но не огня, а чистой энтропии, старящей всё вокруг на десятилетия за секунды.

В какой-то момент битвы — невозможно сказать, когда именно, потому что время превратилось в ленту Мёбиуса — произошло наложение. Элис увидела себя глазами Эви. Эви увидела себя глазами Элис. Но не просто увидели — прожили.

Элис почувствовала голод сестры. Не метафорический — физический голод по целостности. Пустоту внутри, которую невозможно заполнить, сколько ни кради чужих частей. Каж-

дое украденное воспоминание только увеличивало дыру. Каждый присвоенный голос делал собственный тише. Эви пожирала сестру не из злобы — из ужаса перед собственной неполноценностью. Из страха остаться половиной, когда можно стать целым.

Эви прожила смерть Элис изнутри. Почувствовала, как душа отрывается от тела, как нити, связывающие сознание с плотью, рвутся одна за другой. Испытала холод пустоты между жизнью и смертью — не отсутствие тепла, а присутствие анти-тепла, которое не просто забирает, а отрицает саму возможность тепла. Поняла, что Элис не просто умерла — она распалась, и то, что вернулось, было собрано из осколков, как ваза, которую склеили, но трещины остались навсегда.

Жрица Терена ударила посохом из позвоночника Первой богини о пол. Звук прокатился не волной — спиралью, закручиваясь вокруг сражающихся, создавая клетку из вибрации. Каждая вибрация была словом на языке, который существовал до разделения на звук и смысл. Языке, где говорить означало творить, где назвать вещь значило создать её.

— Закон первого выбора, — произнесла она, и каждое слово оставляло шрамы на реальности. Воздух трескался, как стекло, там, где проходили звуковые волны. — Когда встречаются два носителя тернового разлома, они должны выбрать. Слиться и стать новым существом — не суммой двух, а произведением, чем-то качественно иным. Или разделиться навсегда, потеряв возможность касаться друг друга даже взглядом — проклятие хуже смерти для близнецов.

Эви ответила мгновенно, голосом, в котором звучали все украденные голоса Элис — детский шёпот семилетней, смех десятилетней, плач тринадцатилетней, крик шестнадцатилетней: — Слияние! Я хочу её всю! Каждый атом! Каждую мысль! Каждый неслеланный вдох! Каждое слово, которое она могла бы сказать! Каждую слезу, которую могла бы пролить! Я хочу её прошлое, настоящее и все возможные будущие!

Все взгляды обратились к Элис. К той, что умерла девушкой и воскресла чем-то иным. К той, чьи вертикальные зрачки теперь видели спектр за пределами света — цвета, для которых у человечества нет названий, потому что человеческий мозг отказывается их обрабатывать. К той, что улыбалась ртом, в котором было слишком много зубов — не физически, метафизически, зубов в измерениях, которые человеческий мозг отказывался считать.

— Я выбираю третье, — произнесла Элис голосом, который эхом отразился от стен храма, умножаясь, искажаясь, превращаясь в хор. Каждое эхо говорило разными интонациями — одно с любовью, другое с ненавистью, третье с безразличием, четвёртое с голодом. — Я выбираю стать пустотой, которая пожрёт нас обеих. Я выбираю небытие. Я выбираю конец всей этой пародии на близость.

Храм содрогнулся. Не от землетрясения — от онтологического шока. Реальность не была готова к третьему варианту. Законы мироздания, написанные на костях мёртвой богини, не предусматривали отказа от бинарного выбора.

Сердце богини раскололось полностью. Звук был не громким — интимным, как треск льда под ногами за мгновение до того, как провалишься. Изнутри показался глаз. Огромный. Не в смысле размера — в смысле восприятия. Глаз, который видел всё одновременно. Прошлое, где он ещё не открылся. Настоящее, где он открывался. Будущее, где он уже всё увидел и закрылся обратно.

Радужка глаза состояла из переплетённых тел — миллионов близнецов, слившихся в единый узор. Зрачок был дырой в ничто — не в пустоту, а в отсутствие самой возможности существования. Белок глаза пульсировал венами, по которым текло не кровь, а время — прошлое смешивалось с будущим, создавая невозможное настоящее.

Глаз спящей богини, которая начала просыпаться.

И первое, что она увидела — две девочки, играющие в то, во что играла она сама, прежде чем разорвать себя пополам от одиночества.

Богиня улыбнулась.

Тысячей ртов одновременно.

Каждый рот открылся в разных точках храма. В стенах. В полу. В воздухе. В телах присутствующих — стражники кричали, когда их грудные клетки раскрывались улыбками, полными человеческих зубов. Некоторые рты были размером с человеческие. Другие — крошечные, как поры на коже. Третьи — огромные, способные проглотить здание.

И все они говорили одновременно, создавая какофонию, в которой, если прислушаться, можно было различить слова:

— МОИ ДЕТИ. МОИ ОСКОЛКИ. МОИ ОШИБКИ. ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ИЗОБРЕЛИ ПОГЛОЩЕНИЕ? Я РАЗОРВАЛА СЕБЯ, ЧТОБЫ НЕ СОЖРАТЬ САМУ СЕБЯ. НО ГОЛОД ОСТАЛСЯ. В КАЖДОМ ОСКОЛКЕ. В КАЖДОМ БЛИЗНЕЦЕ. В КАЖДОЙ ПАРЕ.

Эви и Элис перестали сражаться. Невозможно драться, когда пол под тобой превращается в язык, стены — в горло, а потолок — в небо. Храм больше не был зданием. Храм стал ртом богини. И этот рот готовился глотать.

— ВЫ ХОТИТЕ СЛИТЬСЯ? — тысяча ртов рассмеялась, и смех был похож на предсмертный хрип вселенной. — Я ПОКАЖУ ВАМ СЛИЯНИЕ. Я ПОКАЖУ, ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА ДВЕ ДУШИ СТАНОВЯТСЯ ОДНОЙ. ПОКАЖУ НА СОБСТВЕННОМ ПРИМЕРЕ.

Пространство начало схлопываться. Не метафорически — геометрия искажалась, углы становились острее, прямые линии сворачивались в спирали. Всё в храме начало стягиваться к одной точке — к глазу богини.

Драен попытался двинуться к Элис, но его тело больше ему не подчинялось. Мёртвый близнец внутри проснулся полностью и боролся за контроль. Две воли в одном теле создавали паралич — каждое движение отменялось противоположным намерением.

Эш — или то, что от него осталось — расползался по углам. Буквально. Его тело теряло, превращаясь в амальгаму из двух существ, которые больше не могли притворяться одним. Рука тянулась в одну сторону, нога — в другую. Голова поворачивалась на триста шестьдесят градусов, пытаясь смотреть одновременно глазами живого и мёртвого.

Жрица Терена упала на колени. Её древние кости не выдерживали давления пробуждающейся богини. Мёртвые наплечники на её плечах начали петь — погребальную песню для мира, который заканчивался.

А в центре этого коллапса стояли две сестры. Эви и Элис. Их наплечники всё ещё переплетались, но теперь не боролись — тянулись друг к другу, признавая родство. Терновый разлом узнавал терновый разлом. Металл, выкованный из рёбер богини, стремился воссоединиться.

— Нет, — прошептала Элис, но её голос потонул в рёве тысячи ртов богини.

— Да, — прошептала Эви, и её голос странным образом прорезался сквозь шум, чистый и ясный, как колокольчик в буре.

Их руки коснулись.

И мир треснул пополам.

Ночь перед церемонией первого отражения _ I. Час вора

I. Час вора

В ту ночь, когда Эви решила украсть последнее, что осталось от её сестры, она плакала так, что слёзы падали на собственные руки и горели.

Не метафорически. *Горели.*

Потому что слёзы близнецов, которые готовятся совершить непоправимое, содержат что-то едкое — смесь соли, раскаяния и той особой химии предательства, что разъедает кожу, оставляя крошечные ожоги. К утру на её ладонях будут следы. Как стигматы. Как улики, которые невозможно скрыть. Но к утру будет уже поздно. К утру всё изменится. К утру Эви станет одной, а Элис... Элис станет воспоминанием, запечатанным внутри чужого тела.

Я люблю тебя, — думала Эви, и каждое слово этой мысли было иглой, вонзающейся в собственную совесть.

Я люблю тебя настолько, что готова превратить тебя в ничто.

Разве это не самая честная любовь? Та, что не прячется за красивыми словами? Та, что признаётся: я не могу жить рядом с тобой, потому что рядом — это всё равно слишком далеко. Я хочу быть тобой. Внутри тебя. Вместо тебя.

Обе луны висели на небе.

Серебряная мать на западе — огромная, холодная, источающая свет цвета замёрзшего молока, того оттенка белого, что бывает только у вещей, переживших смерть и не заметивших этого. Багровая пожирательница на востоке — меньше, но ярче, набухшая, как клещ, напившийся крови, пульсирующая тем красным светом, что заставляет сердца биться быстрее, а мысли — становиться опасными.

Между ними — полоса сумерек.

Линия разлома.

Место, где рождались цвета без названий.

Эви стояла у окна своей башни и смотрела на цитадель зеркальных душ вниз. Столица империи раскинулась, как драгоценное ожерелье, брошенное на чёрный бархат ночи. Башни из опалового стекла ловили свет обеих лун и расщепляли его на тысячи оттенков, создавая иллюзию радости, которой никто внутри этих башен не чувствовал. Висячие сады пылали тревожным алым — цветы-хамелеоны чувствовали то, что ещё не случилось, но обязательно случится.

Они знают. Растения всегда знают первыми. Потому что у них нет гордости, которая мешала бы признать правду.

Эви повернулась к кровати.

Элис спала, сложив руки на груди, как покойница, которую уже подготовили к погребению, но забыли положить в гроб. Лицо восковое. Дыхание едва заметное. На шее — ошейник сновидений, тонкая цепочка с опалом, который пульсировал слабым светом, удерживая сознание сестры на дне искусственного забытья.

— Прости, — прошептала Эви в пустоту комнаты. — Прости за то, что я люблю тебя неправильно. Прости за то, что моя любовь похожа на голод.

Никто не ответил.

Конечно, никто не ответил. Боги мертвы. Мораль — это сказки для тех, кто ещё не столкнулся с настоящим выбором. А настоящий выбор всегда между двумя ужасами. Я выбираю тот ужас, в котором мы хотя бы вместе.

Она открыла шкапулку.

....

Сцена: первый снегопад, им семь. Стоят в саду, запрокинув головы, ловят снежинки ртом. Элис рассказывает что-то — историю о том, как она представляет, что каждая снежинка — это душа ребёнка, который ещё не родился, и они спускаются с неба, чтобы найти своих будущих матерей. Её глаза светятся. Голос полон той особенной нежности, что бывает только у детей, которые ещё верят в чудеса.

Я слушала. И между нами, невидимая, протянулась нить сплетения. Я не планировала. Просто... захотела. Так сильно. Хотела, чтобы это воспоминание было моим. Потому что в нём Элис была настолько чистой, настолько совершенной, что я не могла вынести мысли, что это принадлежит ей, а не мне.

Воспоминание перетекло. Как вода, переливающаяся из одного сосуда в другой.

Элис замолчала на полуслове. Нахмурилась.

— Странно. О чём я говорила?

— О снеге.

— Да, но... была какая-то мысль. Важная. — Она потёрла виски. — Не могу вспомнить.

— Не страшно, — сказала Эви, обнимая сестру. — Всё равно была глупость. Детские фантазии.

Ложь. Это было не глупостью. Это было самым прекрасным воспоминанием Элис. И теперь оно моё.

Эви сжала все три кристалла в ладони. Они были тёплыми. Пульсировали, как маленькие сердца.

Моя коллекция. Мои сокровища. Моя сестра, разобранный на фрагменты.

Сегодня я добавлю последний кристалл. Самый большой. Тот, в котором будет не одно воспоминание, а вся она. Целиком.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в увлекательную новинку от

Ева куклина

«Попаданец в княжну. Вилла белый целитель»

https://litnet.com/shrt/_K04

Книга предназначена для лиц старше 16 лет.

Часть I. Короткие видео_Эви перед церемонией первого отражения

Я не контролирую процесс. Никогда не контролировала. Я думала, что использую древнюю магию. Но на самом деледревняя магия использует меня

Уважаемые читатели!
Приглашаю вас в новинку
Мира Форст
Лассо из будущего
Книга предназначена для лиц старше 16 лет

<https://litnet.com/shrt/R4lG>

Философия лун, которые любят слишком крепко

Левый глаз богини стал луной в момент взрыва. Правый тоже стал луной, но другой — голодной, багровой, готовой пожирать. А левый плакал. Миллион лет плакал в пустоте перед смертью, и слёзы застыли серебром, кристаллизовались в небе как предупреждение или как обещание — смотря с какой стороны смотреть.

Глава 12. Каэн

Мир не раскололся — он затаил дыхание, как затаивают его женщины, когда в комнату входит мужчина, способный одним присутствием переписать их судьбу.

В эпицентре застывшей катастрофы, где две сестры-брюнетки висели в воздухе с протянутыми друг к другу руками, материализовалось присутствие такой интенсивности, что даже остановленное время дрогнуло, как дрожит струна арфы от прикосновения мастера.

Каэн не вошёл — он явился. Два метра двадцать сантиметров чистой, неразбавленной мужественности, которая заставляла пространство перестраиваться вокруг него. Воздух становился плотнее, свет — ярче, тени — глубже. Храм Хрустального сердца, привыкший к драмам близнецов, впервые за тысячелетие почувствовал присутствие чего-то принципиально иного.

Первое, что замечали все, кто его видел — невозможность. В мире, где люди рождаются парами, где одиночество равно проклятию, он двигался с уверенностью существа, которому не нужна вторая половина, чтобы быть целым. Эта целостность читалась в каждом жесте, в каждом шаге, в каждом взгляде карих, почти чёрных глаз с золотыми искрами в глубине — тех самых глаз, что смотрели на мир с лиц его дочерей, но разделённые, ослабленные, как разбавленное вино теряет крепость оригинала.

Пятьдесят два года оставили на нём следы, которые превратили красоту юности в нечто более опасное — магнетизм зрелости, помноженный на тайну. Лицо, которое в двадцать было просто красивым, теперь стало произведением искусства, где каждая линия рассказывала историю. Резкие скулы, унаследованные дочерьми и смягчённые в их лицах женственностью. Прямой нос с едва заметной горбинкой — след давно зажившего перелома, полученного в битве, о которой не говорят вслух. Жёсткая линия губ, которая могла становиться мягкой — но только для тех, кто заслуживал эту мягкость.

Тёмные волосы — цвета воронового крыла в безлунную ночь, с серебряными нитями, пробегающими от висков. Не седина старости, а отметины от прикосновения к местам, где время течёт иначе. Волосы достигали плеч, зачёсаны назад, открывая лоб и подчёркивая архитектуру лица, которое могло бы принадлежать древнему богу — из тех, кому поклонялись не из любви, а из благоговейного ужаса перед их красотой и силой.

Тело... Храм, построенный из мышц и шрамов. Широкие плечи, на которых не было наплечников — чистое, неотмеченное металлом совершенство. Грудь, поднимающаяся и опадающая с ритмом дыхания глубокого, как океан. Руки, в которых сила сочеталась с неожиданной грацией — руки, которые могли с одинаковой лёгкостью сломать шею врагу или успокоить плачущего ребёнка. На запястьях — тяжёлые серебряные браслеты, единственное украшение, которое он себе позволял. Металл был особенным — не из империи, а из мест, где небо касается земли и рождаются легенды.

Одет он был с той продуманной небрежностью, которая приходит к мужчинам, понявшим разницу между стилем и модой. Чёрная рубашка из ткани, которая двигалась как жидкость — шёлк, но не обычный, а тот, что ткут пауки в пещерах под Стекло́йной пустыней, шёлк, который помнит прикосновения и хранит их годами. Ворот расстёгнут ровно настолько, чтобы видеть начало груди и тонкую цепочку, уходящую под ткань. На цепочке — ничего. Пустая петля, где когда-то висел медальон с портретами дочерей.

Тёмные брюки из кожи, мягкой, как бархат, облегающие бедра и подчёркивающие длину ног — ноги человека, который прошёл полмира и готов пройти ещё столько же. Высокие сапоги, зашнурованные сложным узором, каждый узел которого был защитным символом от проклятий, которыми мир щедро одаривал одиночек.

Но больше всего завораживал его запах. Не парфюм — естественный аромат кожи, смешанный с чем-то неуловимым. Дым костров дальних земель. Соль морей, которых нет на кар-

тах империи. Металл и кровь от битв, которые он выигрывал в одиночку против целых армий близнецов. И под всем этим — что-то тёплое, почти домашнее, напоминающее о безопасности и защите.

Жрица Терена, семидесятилетняя женщина, давно забывшая о желаниях плоти, почувствовала, как что-то сжимается внизу живота. Стражницы храма, молодые женщины, выбравшие служение вместо замужества, не могли отвести взгляд, и их дыхание участилось под броней. Даже мнемонические стрекозы, бесполое существа из чистой магии, кружились вокруг него, привлечённые гравитацией его присутствия.

— Прекрати это, — произнёс Каэн, и его голос... О, его голос был оружием массового поражения. Глубокий баритон с хрипотцой, которая заставляла представлять, как этот голос звучит утром, после ночи... Голос, в котором слышались отголоски далёких земель, акценты мёртвых языков, интонации, которые ласкали слух, как опытные пальцы ласкают кожу.

Время дрогнуло, повинувшись. Не потому, что он обладал магией — магия была для близнецов. Время подчинилось из чистого уважения к существу, которое не нуждалось в костылях вроде серебряных пуповин, чтобы изменять реальность.

Эви и Элис начали медленно опускаться из воздуха. Каэн шагнул вперёд — один шаг, но покрыл расстояние в десять метров, пространство сжалось, чтобы позволить ему оказаться там, где нужно. Поймал дочерей — по одной в каждую руку, прижал к груди с силой, которая могла бы сломать рёбра, но вместо этого только защищала.

Сёстры подняли головы одновременно. Карие глаза встретились с карими глазами. И в этот момент стало очевидно — они его дочери. Та же форма глаз, тот же изгиб бровей, та же линия подбородка. Но где его черты были высечены из гранита уверенности, их лица были выточены из алебаstra сомнений.

— Папа? — прошептала Эви, и в её голосе шестнадцатилетняя убийца превратилась в ребёнка, которому приснился хороший сон после череды кошмаров.

— Откуда... как... — Элис не могла подобрать слова. После смерти и воскрешения её голос приобрёл потусторонний оттенок, но сейчас звучал просто растерянно.

Каэн опустил их на пол — бережно, как опускают хрустальные статуэтки, которые могут разбиться от неосторожного движения. Отступил на шаг, давая им пространство, но его присутствие всё равно заполняло храм, как вода заполняет сосуд.

— Семнадцать лет, — сказал он, и в его голосе была боль человека, который считал каждый день. — Семнадцать лет я держался подальше. Смотрел издали. Получал отчёты от информаторов. Знал, когда у Элис прорезался первый зуб. Знал, когда Эви сказала первое слово. Знал, когда вы начали красть друг у друга.

Он повернулся к жрице Терене. Женщина попыталась выпрямиться под его взглядом, но колени предательски дрожали — не от страха, от чего-то более примитивного и честного.

— Первородная, — кивнул он с уважением, которое заставило её почувствовать себя не древней старухой, а женщиной, достойной внимания такого мужчины. — Спасибо, что присматривали за ними. Несовершенно, но старались.

— Каэн Безродный, — выдохнула жрица, и в её голосе слышалось благоговение. — Легенда во плоти. Единственный, кто родился без пары и выжил.

— Не единственный, — поправил он. — Просто единственный, о ком известно. Есть и другие. Мы находим друг друга, узнаём по отсутствию... — он коснулся плеча, где у других были бы наплечники, — этого проклятия.

Драен, всё ещё заключённый в девяностолетнее тело из-за ритуала, попытался говорить: — Вы... отец Элис? Но она никогда не говорила...

— Она не знала, — Каэн посмотрел на юношу-старика с чем-то похожим на одобрение. — Ты отдал десятилетия жизни, чтобы спасти её. Благородно. Глупо, но благородно. Настоящая любовь всегда глупа.

Эш, полураспавшийся на химерные составляющие, захрипел из двух плотов одновременно: — Если вы... их отец... почему... позволили... этому... случиться?

Каэн подошёл к умирающему юноше, опустил на одно колено рядом. Положил руку на искорёженную грудь, где второе сердце пробивалось наружу. Тепло разлилось от прикосновения — не магия, просто жизненная сила человека, которого хватило бы на десятерых.

— Потому что некоторые уроки нельзя преподавать. Их можно только прожить. Они должны были дойти до края, заглянуть в пропасть поглощения, чтобы понять — им это не нужно.

Он встал, повернулся к дочерям. Эви и Элис стояли, держась друг за друга — не как хищник и жертва, а как два потерянных ребёнка в тёмном лесу.

— Ваша мать, — начал он, и его голос стал мягче, теплее, как вино, согретое в ладонях, — была самой красивой женщиной империи. Волосы цвета воронова крыла, как у вас. Глаза... её глаза были зелёными, цвета морской волны перед штормом. Вы не унаследовали их цвет, но унаследовали их силу. Способность смотреть сквозь человека, видеть его суть.

Он достал из внутреннего кармана что-то маленькое. Медальон. Открыл. Внутри — портрет женщины такой красоты, что даже нарисованная, она заставляла сердце пропускать удар.

— Лилианна Терморн. Ваша мать. Единственная женщина, которую я любил. Единственная, кто почти уничтожил меня этой любовью.

— Она умерла при родах, — сказала Элис. — Нам говорили...

— Ложь из милосердия, — Каэн закрыл медальон, спрятал обратно. — Она умерла, когда вам было три месяца. Умерла, потому что пыталась сделать с вами то, что Эви пыталась сделать с Элис. Поглотить. Вернуть обратно в себя. Она не выносила мысли, что вы — отдельные существа, а не части её.

Тишина, которая последовала, была тяжёлой, как свинец.

— Я остановил её, — продолжил Каэн. — Физически остановил, когда она начала ритуал поглощения. Ритуал требует всей жизненной силы того, кто его проводит. Она умерла на моих руках, проклиная меня за то, что не дал ей забрать вас с собой. Последними словами было: "Они всё равно уничтожат друг друга. Близнецы всегда уничтожают друг друга."

— Но мы не близнецы! — воскликнула Эви. — Мы же чувствуем серебряную пуповину!

Каэн покачал головой. Подошёл ближе, протянул руку между ними. Там, где должна была быть невидимая связь, его пальцы прошли сквозь пустоту.

— Иллюзия. Самовнушение. Вы так отчаянно хотели быть нормальными в мире пар, что создали связь из ничего. Но это дало вам то, чего не было у других — выбор. Настоящие близнецы не выбирают свою связь. Вы выбрали. И можете выбрать отпустить.

Металл тернового разлома на плечах сестёр задрожал, запел погребальную песню. Наплечники начали отслаиваться — не болезненно, а естественно, как змея сбрасывает кожу.

— Невозможно, — прошептала жрица Терена. — Наплечники нельзя снять...

— Нельзя снять то, что выросло из реальной связи, — поправил Каэн. — Но то, что выросло из иллюзии, может исчезнуть, когда иллюзия развеяна.

Металл осыпался с плеч сестёр серебряной пылью. Там, где были раны от прорастания, кожа оказалась чистой, гладкой, без шрамов. Как будто тернового разлома никогда не было.

Эви посмотрела на свои плечи, потом на Элис. Впервые за много лет в её глазах не было голода. Только изумление и что-то похожее на облегчение.

— Я... я не чувствую тебя, — сказала она сестре. — Не чувствую твоих мыслей, твоих эмоций. Ты... отдельная.

— И ты отдельная, — ответила Элис, и в её голосе звучала не потеря, а освобождение.

Сёстры смотрели друг на друга, как будто видели впервые. Не отражения, не половинки, не хищника и жертву. Просто двух девушек, которые выросли вместе и могут выбрать — остаться вместе или разойтись.

Каэн наблюдал за ними с выражением, которое могло бы быть гордостью, если бы не примесь грусти. Повернулся к глазу богини, всё ещё смотрящему из расколотого Сердца храма.

— Доволь

— Довольна, старая мать? — спросил он. — Цикл прерван. Больше не будет близнецов-каннибалов. Не будет тернового разлома.

Глаз моргнул. Медленно. Устало. И начал закрываться. Впервые за тысячу лет богиня возвращалась ко сну, успокоенная тем, что ошибка исправлена.

Но прежде чем веко сомкнулось полностью, из зрачка вырвался луч света — не агрессивный, а тёплый, как солнечный зайчик. Коснулся Драена.

Девяностолетнее тело задрожало. Морщины начали разглаживаться. Седые волосы темнели. За считанные секунды годы, отданные в ритуале, вернулись. Драен снова стал семнадцатилетним юношей — но изменённым. В глазах осталась мудрость прожитых и отданных десятилетий.

Луч переместился к Эшу. Разрывающееся надвое тело начало собираться. Мёртвый близнец втягивался обратно внутрь, занимая положенное ему место призрака под кожей. Раны закрывались. Кости срастались. Через минуту Эш лежал на полу целым — измученным, но живым.

Последним луч коснулся Каэна. На мгновение — как прощальный поцелуй. И в этом касании была благодарность древнего существа человеку, показавшему иной путь.

Глаз закрылся. Сердце богини забилось медленнее, переходя в режим глубокого сна. Храм начал меняться — агрессивная органика втягивалась обратно в стены, кристалл становился просто кристаллом, не живой плотью.

— Что теперь? — спросила Элис, глядя на отца.

Каэн улыбнулся — впервые за всю сцену. Улыбка преобразила его лицо, делая моложе, показывая того двадцатилетнего юношу, который когда-то влюбился в их мать.

— Теперь вы свободны. Можете остаться вместе по выбору, не по принуждению. Можете разойтись, найти свои пути. Можете простить меня или ненавидеть всю жизнь. Это ваш выбор. Настоящий выбор свободных людей.

— А ты? — спросила Эви. — Останешься?

Вопрос повис в воздухе. Каэн молчал долго, глядя на дочерей — красивых, сильных, сломанных, но починенных. Его дочерей.

— Если позволите, — сказал он наконец. — Семнадцать лет опоздания — большой срок. Но может быть, не слишком большой, чтобы попытаться.

Элис первой шагнула к нему. Медленно, неуверенно, как ходят по тонкому льду. Подняла руку, коснулась его щеки — проверяя, реален ли он.

— Ты пахнешь морем, — сказала она удивлённо. — Я всегда любила море, хотя никогда его не видела.

— Это память крови, — ответил Каэн. — Я провёл годы на кораблях, уходя всё дальше от империи. Но море не удержало. Вы — удержали.

Эви подошла с другой стороны. Не касаясь, но близко. Изучала его лицо, находя в нём свои черты.

— Ты красивый, — сказала она с типичной для неё прямоотой. — Неудивительно, что мама сошла с ума от любви.

— Красота — проклятие в мире уродливых истин, — ответил Каэн. — Ваша мать любила не меня. Она любила идею обладания мной. Как ты любила идею обладания Элис.

— Любила, — согласилась Эви. — Прошедшее время. Теперь... не знаю. Теперь я чувствую пустоту там, где был голод. Это странно. Но не плохо.

Жрица Терена откашлялась, привлекая внимание.

— Церемония расщепления провалена. Наплечники уничтожены. По закону империи, вы обе должны быть изгнаны или казнены.

— По закону империи, — кивнул Каэн. — Но империя близнецов только что закончилась. Богиня спит. Цикл разорван. Нужны новые законы для нового мира.

Он повернулся ко всем присутствующим — жрицам, стражникам, Драену и Эшу.

— Идите и расскажите. Пусть знают — можно родиться целым. Можно жить без пары. Можно любить, не пожирая. Эра близнецов закончилась. Начинается эра выбора.

— А если не поверят? — спросил Драен, поднимаясь на ноги.

Каэн пожал плечами.

— Тогда они увидят доказательство. Меня. Человека, который родился один и прожил пятьдесят два года. Моих дочерей, которые были фальшивыми близнецами и стали настоящими сёстрами. Вас, химер, которые больше не прячутся.

Он достал из кармана два предмета. Две цепочки с кулонами. Протянул по одной каждой дочери.

— Это были обручальные кольца ваших родителей. Я переплавил их. Теперь это просто украшения. Но если захотите — могут стать напоминанием. О том, что даже из разрушенного можно создать что-то новое.

Элис взяла цепочку, надела. Кулон лёг точно в ложбинку между ключиц — тяжёлый, тёплый, настоящий.

Эви держала свою в руке, разглядывая.

— На ней гравировка, — заметила она.

— "Ты целая", — прочитал Каэн. — На обеих. Чтобы помнили.

В храме стало тихо. Не зловещей тишиной застывшего времени, а мирной тишиной момента, когда всё сказано и начинается что-то новое.

Солнце — настоящее солнце, не свет двух враждующих лун — пробилось сквозь разбитые витражи. Осветило четыре фигуры в центре: отца и двух дочерей, стоящих треугольником. И юношу с серыми глазами, смотрящего на одну из них с любовью, которая выдержала смерть и воскрешение.

— Пойдёмте, — сказал Каэн. — Покажу вам море. Элис права — кровь помнит. Пора познакомить вас с тем, что помнит ваша кровь.

И они пошли. Из храма, ставшего просто зданием. Из Цитадели, потерявшей смысл. Из империи, которая должна была научиться жить без близнецов.

Четверо целых людей, идущих к морю, где волны не спрашивают, один ты или с парой — просто омывают берег, принимая всех.

Глава 13. Кто из нас ...Гадкая сестра?

В день Первого посвящения она подменила кровь в моих жилах.

Стоп.

Остановитесь прямо сейчас, читатель. Перечитайте первую фразу. Кто говорит? Чей это голос звучит в вашей голове? Элис, жертвы? Или это вы сами, вспоминая момент, когда кто-то близкий начал красть вас по частям — может быть, не так буквально, не иглой в вене, а словами, жестами, медленным растворением границ?

Местоимение "она" — это ловушка языка. Оно создаёт иллюзию разделения там, где его может не быть. В момент, когда я произношу эти слова — а кто я, кстати? — металл тернового разлома сплетает наши нервные системы в структуру, для которой у анатомов нет названия. Представьте ленту Мёбиуса из живой плоти, где ваша боль становится моим наслаждением, а моя смерть — вашим рождением.

Вы всё ещё уверены, что знаете, кто здесь злодей?

Я стою — или мы стоим, или никто не стоит, потому что стояние подразумевает отдельное тело — в эпицентре коллапсирующей реальности. Храм Хрустального сердца больше не помнит, что он здание. Стены дышат, потолок моргает, пол пульсирует в ритме сердца, которое не принадлежит никому конкретно. Это сердце богини? Моё? Эви? Ваше, дорогой читатель, бьющееся быстрее от погружения в эту историю?

Позвольте представиться заново. Я — Элис. Шестнадцать лет. Тёмные волосы до пояса, которые сестра заплетала каждое утро, потому что мои руки забыли, как делать это самостоятельно. Карие глаза — но только один из них точно мой, второй смотрит с лица Эви, и я вижу мир стереоскопически: собой и ею одновременно. Я та, кого называют жертвой.

Но давайте будем честными друг с другом, раз уж вы зашли так далеко в этой истории. Вы когда-нибудь получали удовольствие от собственной боли? Не физической — экзистенциальной. От того, чтобы позволить кому-то важному ранить вас, потому что их внимание — даже разрушительное — лучше, чем одиночество?

Я получала. Каждую ночь, пять ночей подряд.

Первая ночь: она вошла с иглой, и я притворилась спящей. Могла закричать, позвать жрицу, сопротивляться. Вместо этого расслабила мышцы, позволяя яду течь по венам. Знаете, что я почувствовала? Облегчение. Наконец-то кто-то хотел меня достаточно сильно, чтобы совершить преступление.

Вторая ночь: я специально легла в позу, удобную для инъекции. Подставила вену. Это было как подставлять шею вампиру — акт извращённого доверия.

Третья ночь: начала оставлять подсказки. Переложил флакон с пожирающей росой на видное место. Я была дилером своей сестры-наркоманки, только валютой была не химическая зависимость, а метафизическая.

Четвёртая ночь: почувствовала, как мои воспоминания перетекают к ней, и вместо ужаса испытала что-то близкое к оргазму души — экстаз растворения, освобождение от бремени быть собой.

Пятая ночь: уже не помнила, где кончаюсь я и начинается она. И это было прекрасно.

Отвратительно? Да. Честно? Тоже да.

А теперь позвольте представить мою сестру. Эви. Та же внешность — мы близнецы, помните? Или не близнецы, как утверждает отец, а две девочки, создавшие иллюзию связи из страха одиночества. Но разве иллюзия, во которую верят шестнадцать лет, не становится реальностью?

Эви — каталог преступлений во плоти. Воровка улыбок (украли мою в семь лет). Похитительница голосов (присвоила мою интонацию в десять). Коллекционер воспоминаний (у неё есть ожерелье из кристаллизованных моментов моей жизни). Убийца (я умерла в её руках, хоть и вернулась). Каннибал души.

Чудовище?

А вы, читатель? Вы никогда не хотели поглотить того, кого любите? Не в сексуальном смысле — глубже. Хотели влезть под кожу, узнать каждую мысль, присвоить каждый вздох? Социальные сети построены на этом голоде — мы пожираем чужие жизни через экраны, приговарываясь, что это называется "интересом".

Эви просто честнее. Она не скрывает свой голод за эвфемизмами.

Вот воспоминание, которое я вижу сейчас — её или моё, уже неважно:

Нам три года. Мать укладывает нас спать в разные кровати. Эви плачет всю ночь, протягивая руки через прутья, пытаюсь дотянуться до меня. "Почему мы два?" — спрашивает она утром. "Почему не один большой человек?" Мать смеётся, но в её смехе слышится тревога. Она уже видит — одна из дочерей родилась с дырой в форме другой.

Пять лет. Эви заболевает. В бреду называет моё имя, но когда я подхожу, кричит: "Нет! Настоящая Элис! Та, что внутри меня!" Доктор говорит, что это лихорадка. Но Эви говорила правду — она искала версию меня, которая существовала только в её воображении. Элис, которая никогда не скажет "нет". Элис, которая всегда рядом. Элис-часть-Эви.

Семь лет. Первая кража. Но вот что я никому не рассказывала: я знала, что она собирается сделать. Видела, как она изучает заклинания неправильного сплетения. И специально улыбнулась той самой улыбкой, которую она хотела украсть. Подарила её, завернутую в иллюзию кражи.

Кто из нас манипулятор?

Десять лет. Эви начинает коллекционировать мальчиков. Целует их, глядя мне в глаза. Каждый поцелуй — послание: "Смотри, как много людей хотят меня. Но я выбираю тебя." А я встречаюсь с Драеном взглядами через площадь и думаю: "Смотри, Эви, кто-то хочет меня, не тебя-через-меня." Мы играем в эмоциональные шахматы, где фигуры — это люди, а доска — наши искалеченные души.

Тринадцать. Эви говорит: "Я люблю тебя больше жизни." Я отвечаю: "Докажи." И она начинает доказывать, планируя пять ночей кражи. А я начинаю готовиться стать украденной.

Вы следите за мыслью, читатель? Или вы уже запутались, кто палач, а кто жертва? Хорошо. Путаница — это честность. Ясность — привилегия тех, кто никогда не любил до самоуничтожения.

Сейчас, стоя в центре коллапсирующего храма, с металлом тернового разлома, сплетающим наши тела в двойную спираль, я вижу всё одновременно. Прошрое, где мы были двумя девочками. Настоящее, где мы становимся одной. Будущее, где мы — новая богиня, пожирающая саму себя в бесконечном цикле.

Драен кричит из своего девятистолетнего тела. Знаете, что он сделал? Отдал десятилетия жизни, чтобы вернуть меня из смерти. Романтично? Или это тоже форма насилия — вернуть человека, который выбрал умереть? Он держал мою душу в своём теле, носил меня внутри себя, как беременная носит ребёнка. Три души в одном теле: он, его мёртвый близнец и я. Это любовь или коллекционирование?

Спросите себя: если бы вы могли спасти любимого человека, но ценой было бы запереть его внутри себя навечно, вы бы сделали это? А если бы любимый человек не хотел быть спасённым?

Каэн, наш отец, стоит как монумент всему, чем мы не можем быть. Два метра двадцать сантиметров одиночного величия. Единственный человек в империи, родившийся целым. Красивый так, что даже сейчас, в момент экзистенциального кризиса, я чувствую, как что-то жи-

мается внизу живота — генетическая память о безопасности в отцовских руках, которых у нас никогда не было.

Он бросил нас в три месяца. Увидел, как Эви тянется ко мне сильнее, чем я к ней, и сбежал. Семнадцать лет отсутствия. Это предательство или милосердие? Он говорит, что мы не близнецы, что серебряная пуповина — иллюзия. Но если мы верили в иллюзию достаточно сильно, чтобы вырастить из неё металлических паразитов в плечах, разве она не стала реальностью?

Реальность — это консенсус. Мы с Эви согласились быть близнецами, и мир принял наше соглашение.

Жрица Терена наблюдает за нами, и я слышу, как скрипят её кости. Не её кости — кости её сестры Марены, умершей сорок лет назад. Кальций мигрировал из скелета Сосуда в тело Ловца через серебряную пуповину. Теперь Терена — ходячее кладбище, каждое движение — скрип чужих костей. Это нормально в нашем мире. Это называется "священная связь".

Вы всё ещё считаете Эви чудовищем? Или начинаете видеть — она просто продукт системы, доведённый до логического абсолюта?

Империя близнецов построена на фундаментальной лжи: что одиночество — это смерть, а близость — жизнь. Но какая близость? Мы носим мёртвых близнецов в телах (привет, химеры), мёртвые кости в скелетах (привет, выжившие Ловцы), чужие воспоминания в головах (привет, мнемонические кристаллы). Мы — цивилизация некрофилов, притворяющихся романтиками.

И вот откровение, от которого металл в плечах воет голосами всех умерших близнецов: Гадкая сестра — это вы, читатель.

Да, вы. Читающий эту историю и думающий: "Я бы никогда." Или хуже: "Я бы хотел, чтобы кто-то любил меня так сильно." Вы, создающий в голове иерархию: Эви — зло, Элис — жертва, Драен — герой, Каэн — загадка. Вы, жаждущий простых ответов на сложные вопросы.

Но вы дочитали до сюда. Значит, что-то в этой истории резонирует. Может, вы узнали себя в Эви — в том голоде, который невозможно насытить? Или в Элис — в желании раствориться, сбросить ответственность за собственное существование? А может, в Драене — готовом на любую жертву, лишь бы быть нужным?

Мы все гадкие сёстры друг другу. Мы пожираем и позволяем пожирать. Крадём и отдаём. Паразитируем и становимся питательной средой. Называем это любовью, дружбой, семьёй. Строим империи на взаимном каннибализме и удивляемся, почему так одиноки.

Но знаете, что самое прекрасное в осознании своей гадости?

Возможность выбрать иное.

Я смотрю в глаза Эви — или она смотрит в мои, или мы обе смотрим глазами читателя — и вижу отражение отражения отражения. Бесконечная рекурсия вины и прощения, голода и отдачи, любви и ненависти.

— Я вижу тебя, — говорю я на всех языках одновременно.

— Я вижу себя, — отвечает она/я/вы.

И происходит чудо. Или катастрофа. В нашем мире это часто одно и то же.

Терновый разлом, питающийся конфликтом между жертвой и хищником, начинает голодать. Без чёткого разделения ролей он теряет смысл. Металл осыпается с наших плеч серебряной пылью, и каждая пылинка — это момент, когда мы могли выбрать иначе, но не выбрали.

Наши тела всё ещё сплетены — физически, метафизически, метафорически. Но что-то глубже разжимается. Хватка ослабевает. Не потому что мы перестали любить друг друга. Потому что начали любить иначе.

— Прости, — шепчем мы хором.

За что? За всё. За ничего. За то, что родились в мире, который не научил нас быть отдельными. За то, что создали друг из друга монстров. За то, что позволили это создание. За то, что сейчас, может быть, слишком поздно что-то менять.

Или не поздно?

Время в храме течёт странно. Я помню будущее, где мы с Эви становимся новой богиней. Помню прошлое, где мы просто две девочки, которые боялись спать в разных комнатах. Помню настоящее — вечное, мучительное настоящее, где мы учимся отпускать.

Отпускать — самый жестокий акт любви. Сказать: "Я люблю тебя достаточно, чтобы позволить тебе существовать без меня." Это противоречит всем инстинктам, всей культуре империи близнецов, всей логике мира, где одиночество равно смерти.

Но что, если смерть милосерднее такой жизни?

Что, если одиночество честнее такой близости?

Что, если две гадкие сестры могут стать просто... сёстрами?

Я не знаю ответов, читатель. Я задаю вопросы. Вам. Себе. Эви. Богине, чей глаз всё ещё смотрит из расколотого Сердца. Миру, который построен на красивой лжи о необходимости другого.

История заканчивается. Или начинается. В цикличном времени тернового разлома каждый конец — это начало, каждая смерть — рождение, каждое прощание — встреча.

Я — Элис, которая умерла и вернулась не целой.

Я — Эви, которая убила и не может насытиться.

Я — мы, которые учимся быть врозь.

Я — вы, дочитавшие до конца и теперь несущие эту историю в себе, как паразита, как дар, как проклятие, как благословение.

Кто из нас гадкая сестра?

Все.

Никто.

Вопрос поставлен неверно.

Правильный вопрос: что мы будем делать с этой гадостью? Продолжать пожирать друг друга, оправдывая это любовью? Или научимся любить на безопасном расстоянии, где "я" и "ты" — это два отдельных слова, а не одно, разорванное пополам?

Выбор за вами, читатель.

Как и всегда был.

ИТОГ ПЕРВОЙ ЧАСТИ_Тайны, погребённые под металлом

РАСКРЫТЫЕ ИСТИНЫ:

Близнецы Тераморн — временная аномалия

Элис и Эви не просто фальшивые близнецы. Каэн утверждает, что их серебряная пуповина — иллюзия, созданная страхом одиночества. Но если иллюзия материализовалась в терновый разлом, значит ли это, что вера сильнее крови? И почему именно они — единственные за 400 лет после Лилит Беспощадной — смогли вырастить металл, растущий одновременно вверх и вниз?

Химеры ходят среди нас

Драен и Эш Харроу — химеры, носящие мёртвых близнецов под кожей. Но они не уникальны. В подвалах Цитадели зеркальных душ хранятся записи о "бракованных" детях — один на тысячу рождений. Их топят, сжигают, прячут. Сколько химер выжило, притворяясь обычными одиночками?

Каэн — живое противоречие

Два метра двадцать истинного одиночества. Родился без пары в мире, где это невозможно. Прожил 52 года без серебряной пуповины, без наплечников, без Сосуда. Утверждает, что есть другие, как он. Целое тайное общество "полных". Но если они существуют, почему позволяют империи близнецов продолжать пожирать саму себя? Что им выгодно в этой системе взаимного каннибализма?

Металл — это нервная система

Наплечники выкованы из рёбер Первой богини. Но жрица Терена, роясь в запретных архивах, обнаружила: металл не мёртвый. Он ждёт. Каждая пара наплечников — это синапс в огромной нервной системе, раскинувшейся под империей. Когда носители умирают, металл не хоронят — он уползает под землю, в катакомбы, где сплетается с другими наплечниками в структуры, похожие на...

На что? Записи обрываются. Страницы вырваны.

Сердце богини — не сердце

Кристаллический орган в храме бьётся раз в час. Но Драен, носящий три души, видит больше других. Он утверждает: это не сердце. Это яйцо. И оно начало трескаться изнутри, когда Элис умерла и вернулась с вертикальными зрачками. Что вылупится? Новая богиня? Или что-то, для чего в языке нет слов?

Лилит Беспощадная оставила послание

На её могиле — если верить слухам — выжжены слова: "Я вернусь, когда зеркало пожрёт отражение." Элис и Эви почти слились. Зеркало почти пожрало. Но в последний момент они разомкнулись. Нарушили пророчество? Или исполнили его иначе?

СТРАННОСТИ:

Почему Каэн вернулся именно сейчас, через 17 лет?

Откуда у него фляга с материнским молоком, законсервированным магией, если их мать умерла от обычной лихорадки?

Мнемонические стрекозы умерли, пытаясь собрать воспоминания Эви. Но их тела исчезли. Не кристаллизовались — именно исчезли. Куда?

Эш видел что-то в момент распада на химерные части. "Они смотрят," — шептал он в бреду. "Из-под земли смотрят тысячи металлических глаз." Кто "они"?

Терновый разлом осыпался с плеч сестёр. Но металлическая пыль не упала на пол — она полетела в определённом направлении. На восток. Что там, на востоке, притягивает мёртвый металл?

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ:

Если богиня разорвала себя от одиночества, кто был свидетелем разрыва?

Почему двуликие лисы воют каждое новолуние словами на мёртвом языке?

Что означают вертикальные зрачки Элис — признак смерти или перерождения?

Куда исчезают одиночки, пережившие своих близнецов больше, чем на пять лет?

Почему запрещено копать глубже трёх метров в Цитадели?

Откуда у пожирающей росы сознание? (Эви клянётся — яд шептал ей, что делать)

Если все наплечники — части тела богини, то где её голова?

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА УМИРАЮЩИХ:

Марена (сестра жрицы Терены): "Я вижу лестницу из костей, ведущую вниз."

Мать близнецов Тераморн: "Они не мои дети. Они ЕЁ."

Первая жертва Лилит Беспощадной: "Она не одна. В ней тысячи."

Безымянный стражник, коснувшийся Сердца: "Оно помнит время до разрыва. Оно хочет домой."

СЛУХИ И ШЁПОТЫ:

В библиотеке Цитадели есть запертая секция. Внутри — дневники тех, кто пытался покинуть империю. Все обрываются одной фразой: "Граница — это не место. Граница — это существо."

Говорят, если близнецы откажутся от расщепления семь раз подряд, в восьмой раз родится нечто иное.

Под Стекло́нной пустыней — город. Целый, неразрушенный. Но вверх ногами. Зеркальное отражение мира наверху. Там живут те, кто не должен был выжить.

В полнолуние обеих лун одновременно можно увидеть третью луну. Чёрную. Невидимую. Она всегда была там. Смотрит.

ИЗМЕНЕНИЯ В МИРЕ:

После осыпания тернового разлома все мнемонические стрекозы в радиусе километра перестали собирать воспоминания. Вместо этого они начали их отдавать. Люди, которых коснулись изменённые стрекозы, помнят жизни, которые не проживали. Места, где не были. Людей, которые не существуют.

Или существуют, но не здесь.

Двуликие лисы больше не смотрят на близнецов. Отворачивают обе головы, словно видят что-то отвратительное. Или опасное. Или и то, и другое.

Зеркальные змеи показывают только один вариант будущего: пустоту. Но не чёрную. Белую. Ослепительную. Полную.

ПОСЛЕДНЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ:

Элис и Эви больше не отражаются в зеркалах одинаково.

У одной в отражении есть тень.

У другой тень есть в реальности.

Но нет в отражении.

Кто из них настоящая?

И была ли настоящей хоть одна?

Конец первой части. Начало вопросов.

Часть II: КРОВАВОЕ РОЖДЕСТВО ТЕРАМОРН

Вводная история

За четыреста лет до рождения Элис и Эви Тераморн, когда империя близнецов только училась жить с проклятием вечных пар, существовала другая пара сестёр с той же фамилией.

Их звали Алисия и Эвелина.

История, которую вы прочтёте, запрещена в империи. Книги сожжены, свидетели мертвы, само упоминание имён карается смертью. Но легенды живут в шёпоте, в снах, в крови потомков.

Случилось это в ночь Зимнего солнцестояния — когда Серебряная мать и Багровая пожирательница висят в небе одновременно, а границы между мирами истончаются до паутины. В ту ночь, которую потом назовут Кровавым рождеством, родилось проклятие рода Тераморн.

Проклятие, по которому в каждом поколении будут рождаться сёстры, обречённые поглотить друг друга.

Глава 1: Две капли крови на снегу # Канун рождества в доме Тераморн

Алисия Тераморн стояла у окна, наблюдая, как снег укрывает сады поместья белым саваном. Семнадцать лет, чёрные волосы до пояса, глаза цвета зимнего неба — она была совершенством, каким его видела империя. Идеальная старшая близнец, готовящаяся стать Ловцом на завтрашней Церемонии.

— Перестань мечтать и помоги мне с платьем, — раздался голос Эвелины из глубины комнаты.

Эви. Младшая на три минуты, но в этих минутах была пропасть. Белокурая, где Алисия темноволоса. Огненная, где сестра холодна. Обречённая стать Сосудом — той, кто умрёт молодой, отдав жизнь за магию сестры.

— Завтра всё изменится, — прошептала Алисия, застёгивая крючки на корсете сестры. Пальцы дрожали, выдавая страх, который она скрывала уже неделю.

— Завтра всё закончится, — поправила Эвелина, поворачиваясь к зеркалу. — Для меня.

Их отражения смотрели друг на друга — негатив и позитив, свет и тьма, жизнь и смерть. Серебряная пуповина между ними пульсировала в такт сердцам, напоминая о неразрывности связи.

— Я найду способ, — Алисия схватила сестру за плечи, заставляя посмотреть в глаза. — Клянусь всеми лунами, найду способ сохранить тебе жизнь.

Эвелина коснулась щеки сестры. Ладонь была ледяной.

— В древних текстах говорится о ритуале. Запрещённом. Том, что может изменить предназначение Сосуда и Ловца.

— Каком ритуале?

— Обмен сущностями. Но для него нужна кровь третьего. Того, кто любит обеих одинаково сильно.

В дверь постучали — три коротких удара, один длинный. Код отца.

— Девочки, гости ждут. И среди них... особенный гость. Тот, кто изменит вашу судьбу.

Сёстры переглянулись. В голосе отца звучало что-то странное. Не радость. Не гордость. Страх?

Гость с севера

Большой зал сиял сотней свечей, отражающихся в хрустале и серебре. Гости — сливки общества империи — уже собрались, но все взгляды были прикованы к фигуре у камина.

Мужчина в чёрном. Высокий, широкоплечий, с лицом, которое могло бы быть красивым, если бы не шрамы. Три параллельные линии через левую щёку — метка того, кто убил собственного близнеца.

— Алисия, Эвелина, — отец подвёл их к незнакомцу. — Позвольте представить лорда Кассиана Вульфа. Императорского инквизитора.

Инквизитор. Охотник на еретиков. Тот, кто следит за правильностью Расщепления.

— Но Церемония завтра, — выпалила Эвелина. — Почему вы здесь сегодня?

Кассиан улыбнулся. Улыбка не коснулась глаз цвета старой крови.

— Потому что ваш отец попросил о невозможном. О ритуале, который изменит судьбу Сосуда. И я здесь, чтобы... помочь.

Алисия почувствовала, как кровь отливает от лица. Ловушка. Это была ловушка.

— Отец, что происходит?

Лорд Тераморн не смотрел на дочерей. Смотрел в огонь камина.

— У нашей семьи долг перед империей. Древний долг. И сегодня ночью мы его выплатим.

— Каким образом? — Алисия инстинктивно встала перед сестрой.

Кассиан достал из-за пазухи флакон. Внутри плескалась жидкость цвета расплавленного серебра с красными прожилками.

— Кровь Первородной. Последние капли, собранные с места её гибели. Достаточно, чтобы провести Великое слияние.

— Слияние? — прошептала Эвелина.

— Не просто слияние. Поглощение. Одна сестра вберёт в себя другую. Полностью. Станет совершенной. А вторая... исчезнет. Как будто никогда не существовала.

Тишина. Гости замерли, наблюдая драму.

— Нет, — твёрдо сказала Алисия. — Мы откажемся.

— Отказ означает смерть. Не только вашу. Всего рода Тераморн. Таков закон, — Кассиан шагнул ближе. — Но есть третий путь. Тот, о котором шептала Эвелина в своей комнате. Обмен сущностями. Я буду третьим. Тем, чья кровь скрепит ритуал.

— Почему вы хотите помочь? — Алисия сузила глаза.

— Потому что я убил брата, чтобы выжить. И каждую ночь он приходит во снах, спрашивая — стоила ли моя жизнь его смерти? Может, спасая вас обоих, я наконец получу ответ.

Часы пробили полночь. Рождество началось.

Ритуал при двух лунах

Они вышли в сад. Снег падал крупными хлопьями, но таял, не долетая до земли — воздух вокруг ритуального круга дрожал от магии.

Круг из соли и пепла. В центре — серебряная чаша с кровью Первородной. По краям — свечи из чёрного воска, горящие синим пламенем.

— Разденьтесь, — приказал Кассиан.

— Что? — Эвелина покраснела.

— Ритуал требует полного контакта. Кожа к коже. Кровь к крови. Душа к душе.

Алисия первой сбросила платье. Затем бельё. Встала в круг, гордая, не пытаясь прикрыться. На её коже проступили узоры — руны, невидимые в обычное время.

Эвелина последовала примеру. Её кожа была чиста. Сосуды не носили меток — им не положено.

Кассиан разделся последним. Его тело было картой шрамов — каждый рассказывал историю боли.

— Возьмитесь за руки. Сёстры друг с другом. Я замкну круг.

Они встали треугольником. Кассиан начал читать слова на древнем языке — том, на котором говорила Первородная до раскола.

Серебряная мать и Багровая пожирательница выплыли из-за туч одновременно. Их свет — белый и красный — смешался, окрашивая снег в розовый.

Чаша задрожала. Кровь внутри закипела.

— Пейте! — крикнул Кассиан. — Обе! Сейчас!

Сёстры потянулись к чаше. Их руки встретились на серебряном ободе. Глаза встретились над кипящей кровью.

— Вместе? — прошептала Эвелина.

— Навсегда, — ответила Алисия.

Они пили. Кровь обжигала горло, растекалась по венам огнём. Мир взорвался болью и светом.

А затем началось изменение.

Глава 2: Слияние в рождественскую ночь # Трансформация

Первой изменилась Эвелина. Её белокурые волосы начали темнеть, будто кто-то пролил на них чернила. Но это были не чернила — это были волосы Алисии, прорастающие сквозь её собственные.

Алисия закричала. Из её груди вырвался луч серебряного света — её сущность, её душа — и потянулся к сестре. Но на полпути луч раздвоился. Часть вошла в Эвелину, часть — в Кассиана.

— Что происходит?! — крикнула Алисия, чувствуя, как что-то внутри рвётся.

— Ритуал сам выбирает путь! — Кассиан упал на колени. Его глаза из карих становились голубыми — цвета глаз Алисии. — Он делит вас... между мной и ей!

Эвелина засмеялась. Но смех был не её — низкий, властный, смех Алисии.

— Нет, — прошептала она своим голосом. — Я не хочу становиться тобой. Я хочу быть собой!

Она попыталась разорвать круг, но серебряная пуповина между сёстрами вспыхнула, стала видимой. Больше того — она размножилась. Теперь серебряные нити связывали всех троих, формируя треугольник силы.

— Мы становимся одним, — понял Кассиан. — Не две сестры. Не обмен. Все трое. Одно существо в трёх телах.

Снег вокруг них растаял. Трава почернела. Земля треснула, и из трещин потянулся металл — терновый разлом, но не из плеч, а из самой земли.

Прерванное проклятие

Двери особняка распахнулись. Лорд Тераморн выбежал в сад, за ним — гости.

— Остановите ритуал! — кричал он. — Это не то, что должно было произойти!

Но было поздно. Металлические шипы из земли сплелись в клетку вокруг троих участников ритуала. Внутри клетки реальность ломалась — три тела то сливались в одно чудовищное существо с шестью руками, то распадалось на дюжину теней.

И тогда появилась она.

Фигура в белом, лицо скрыто капюшоном. Императрица? Нет — слишком высокая. Жрица? Нет — слишком много силы.

— Дети мои заблудшие, — голос был как эхо из глубины колодца. — Вы пытаетесь обмануть закон, который я установила.

Первородная. Или то, что от неё осталось.

— Ты мертва! — крикнул Кассиан, борясь с изменениями в своём теле.

— Боги не умирают. Они становятся законами. Я — закон парности. И вы нарушили его.

Она подняла руку. Металлическая клетка начала сжиматься.

— Но я милосердна. Дам вам выбор. Либо умрите все трое сейчас. Либо примите проклятие.

— Какое проклятие? — простила Алисия, чувствуя, как металл впивается в кожу.

— Род Тераморн будет проклят. В каждом поколении будут рождаться сёстры, которые попытаются повторить ваш ритуал. И каждый раз одна будет поглощать другую. Пока не родится та, что сможет существовать с мёртвой сестрой внутри. Она разорвёт проклятие... или уничтожит империю.

Кровавый выбор

— Я согласна! — крикнула Эвелина. — Пусть будущие поколения получают шанс!

— Нет! — Алисия попыталась заткнуть сестре рот, но их тела были слишком переплетены. — Мы не можем проклясть невинных!

Кассиан молчал. В его глазах — теперь один карий, один голубой — читалось понимание.

— Проклятие уже действует, — сказал он тихо. — С момента, когда мы выпили кровь. Вопрос только — умрём мы или дадим шанс будущим.

Первородная кивнула.

— Мудрый убийца братьев. Итак?

Они переглянулись. Три человека, ставшие частями одного целого. И приняли решение.

— Мы выбираем проклятие, — сказали в унисон.

Первородная засмеялась. Звук как разбивающееся стекло.

— Да будет так. Эвелина Тераморн — ты умрёшь сегодня ночью, но будешь жить в каждой младшей сестре рода. Алисия Тераморн — ты выживешь, но будешь нести вину за каждую поглощённую сестру. Кассиан Вульф — ты станешь стражем проклятия, бессмертным, пока последняя из Тераморн не разорвёт круг.

Взмах руки — и металлическая клетка взорвалась.

Глава 3: Цена рождественского чуда # После полуночи

Эвелина умирала на руках сестры. Медленно, мучительно, но с улыбкой на губах.

— Я чувствую их, — шептала она. — Будущих сестёр. Всех Эви, что будут после меня. Они все будут пытаться стать тобой. Всех Алис. И однажды... однажды одна пара succeed...

— Не говори, — Алисия прижимала сестру к груди. — Сохрани силы.

— Для чего? Для смерти? — Эвелина кашлянула кровью. — Послушай внимательно. В момент моей смерти ты увидишь. Всё. Всех. Каждую пару до конца проклятия. Запомни ту, что разорвёт круг. Оставь ей... послание.

— Какое послание?

— Скажи ей... — глаза Эвелины остекленели, но губы всё ещё двигались, — скажи, что гадкая сестра — не та, что снаружи. А та, что внутри. Та, что позволяет поглотить себя из любви.

Последний выдох. Тело обмякло.

И Алисия увидела.

Видение будущих сестёр

Сотни пар. Тысячи.

Алиса и Эвелин через пятьдесят лет — отравление на свадьбе старшей.

Алисабет и Эвангелина через сто лет — дуэль на рассвете, обе умирают.

Алессия и Эвилена через двести лет — успешное поглощение, старшая сходит с ума.

И так далее, и дальше, пока...

Элис и Эви. Четыреста лет в будущем.

Алисия увидела, как младшая вводит старшей пожирающую росу. Как крадёт её часть за частью. Как на Церемонии у обеих прорастает терновый разлом внутрь.

Но самое главное — она увидела, как Элис позволяет. Сознательно. С той же жертвенной любовью, с какой Эвелина только что умерла за проклятие.

— Она та самая, — прошептала Алисия. — Элис Тераморн. Четыреста лет. Она разорвёт круг. Или станет чем-то худшим, чем проклятие.

Страж проклятия

Кассиан стоял в стороне, наблюдая. Изменения в его теле завершились — он был собой, но не совсем. В правом глазу отражалась душа Алисии, в левом — Эвелины.

— Теперь ты понимаешь? — спросил лорд Тераморн, подходя к нему. — Почему я позвал именно тебя?

— Вы знали. Знали о проклятии заранее.

— Род Тераморн хранил пророчество четыреста лет в прошлое. Круговорот времени. Проклятие, которое создаёт само себя. И вы, лорд Вульф, — ключ к его исполнению.

Кассиан достал клинок. Приставил к горлу лорда.

— Я должен убить вас за это.

— Должны. Но не станете. Потому что теперь вы страж. И будете им четыреста лет, пока не встретите ту самую Элис. Ту, что позволит сестре поглотить себя не из слабости, а из силы.

— Откуда вы знаете?

Лорд Тераморн улыбнулся. Снял маску — магическую иллюзию.

Под ней было лицо самого Кассиана. Постаревшее на четыреста лет.

— Потому что я — это вы. Из конца круга. Пришёл убедиться, что всё произойдёт как должно. Временные петли, мой молодой друг. Проклятие Тераморн создаёт их постоянно.

Молодой Кассиан опустил клинок.

— Значит, я обречён?

— Все мы обречены. Вопрос только — принимаем свою обречённость или боремся с ней. Вы будете бороться четыреста лет. Будете пытаться предотвратить рождение проклятых сестёр. Будете терпеть неудачу снова и снова. Пока не поймёте — некоторые проклятия существуют, чтобы научить нас любить.

Старый Кассиан начал растворяться — его время истекло.

— Последний совет. Когда встретите генерала Вульфрама через триста восемьдесят лет — не пытайтесь его остановить. Он создаст Лилит. А Лилит... Лилит изменит всё.

И исчез.

Рождественское утро

Солнце взошло кроваво-красным. Снег, выпавший ночью, казался розовым в его свете.

Алисия похоронила сестру под старым дубом — тем самым, под которым они играли детьми. На могиле не было имени. Только дата и три слова: "Она была первой".

Гости разъехались, унося весть о проклятии. К вечеру вся империя знала — род Тераморн проклят рождать сестёр-каннибалов.

Но было и другое известие. На Церемонии расщепления Алисия Тераморн продемонстрировала невозможное — силу двоих в одном теле. Она стала первым Ловцом-Сосудом. Той, кто может и брать, и отдавать магию.

Император назначил её главой нового ордена — Охотников на аномалии. Её первым помощником стал Кассиан Вульф.

Вместе они прожили шестьдесят лет. Алисия старела, Кассиан — нет. Она умерла в его руках в ночь очередного Рождества, прошептав:

— Передай Элис из будущего. Скажи, что первая Алисия просит прощения. За проклятие. За выбор. За то, что любовь иногда означает позволить себя уничтожить.

Кассиан кивнул. И начал свой четырёхвековой дозор.

Эпилог: Эхо в крови

Четыреста лет спустя, в ночь перед Расщеплением, Элис Тераморн проснулась от странного сна.

Ей снилась женщина с её лицом, но в древнем платье. Женщина держала умирающую сестру и плакала кровавыми слезами.

— Помни, — сказала женщина во сне. — Гадкая сестра — не та, что крадёт. А та, что позволяет. Но иногда позволить — единственный способ по-настоящему любить.

Элис проснулась. Рядом спала Эви, свернувшись калачиком.

В руке Эви был шприц с пожирающей росой.

Первая ночь поглощения уже началась.

Проклятие рода Тераморн продолжалось.

[КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ]

В следующей легенде: История Лилит Первородной — химеры, до нашей Красной императрицы и до Беспощадной, разумеется, и ставшей причиной, по которой империя начала истреблять носителей двойных душ.

Иллюстрации_БАГРОВАЯ ПОЖИРАТЕЛЬНИЦА

Краткая философия луны, которая любит через голод

Правый глаз богини стал луной в момент взрыва.

Тот глаз, что не плакал. *Горел.*

Последняя мысль перед смертью: *«Если они не останутся со мной добровольно, я возьму их силой. Вплету внутрь себя. Мы станем одним. И тогда я никогда не буду одна.»*

Серебряная мать решает одиночество через связывание: создаёт пуповину, которую нельзя разорвать.

Багровая пожирательница решает через *поглощение*: если нет отдельного «ты», нет риска, что «ты» уйдёшь.

Разница тонкая, но абсолютная. Связь предполагает двух. Поглощение оставляет одного, содержащего обоих.

Луна не серебряная — багровая, цвета запёкшейся крови, цвета внутренностей, вывернутых наружу.

Поверхность не гладкая. Испещрена кратерами, похожими на открытые рты. С зубами. С языком. С слюной, стекающей по краям. Рты открываются и закрываются медленно, как будто луна дышит, пережёвывает что-то невидимое.

Свет её не защищает — *пробует на вкус*. Падает липкий, влажный, температуры тела, как будто кто-то лижет кожу невидимым языком, решает: достаточно ли питателен, чтобы съесть.

Под её светом всё выглядит съедобным. Камни — мягкими, как плоть. Деревья — костями, обтянутыми кожей. Люди — мешками с органами, которые легко вскрыть зубами.

Багровая пожирательница — архетип нарциссического поглощения, возведённый в космический принцип.

Её любовь работает через фазы:

Идеализация: «Ты идеальна. Мы созданы друг для друга. Мы одно целое.» Бомбардировка любовью. Тотальное внимание. Жертва чувствует себя центром вселенной.

Стирание границ: «Мы так близки, что я знаю, что ты хочешь, даже когда не говоришь.» Игнорирование отказов. Ревность ко всему, что отнимает внимание и изоляция, названная близостью.

Поглощение: «Хочу, чтобы ты была внутри меня. Не рядом — внутри. Частью моих органов. Чтобы не могла уйти, потому что куда уйдёшь, когда ты моя печень?»

Манипуляция не через силу — через уязвимость:

«Я так страдаю без тебя. Мне больно, когда ты отдельная. Ты ведь не хочешь причинять мне боль? Докажи любовь. Растворись во мне. Это единственное доказательство, которое я приму.»

Эмоциональный шантаж, упакованный в страдание. Жертва чувствует не страх — вину. Думает: «Может, я эгоистична? Может, нормальные люди готовы на большее?»

Газлайтинг доведён до совершенства. Желание сохранить «я» становится эгоизмом. Границы — холодностью. Отказ раствориться — неспособностью любить по-настоящему.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в БЕСПЛАТНУЮ новинку чудесного автора

Кати Адлер

Книга предназначена для лиц старше 16 лет

"У зеркала два лица"

<https://litnet.com/shrt/0Vmv>

Часть III: ТРИ ЛИЛИТ — ПРОРОЧЕСТВО КРОВИ

О природе имён, что становятся проклятиями

не имеющее аналогов в современной речи: *таэрлит*— имя, которое пожирает носителя, формирует его судьбу с неизбежностью гравитации, притягивающей падающее тело к земле.

Лилит — одно из таких имён.

Оно звучит как шёпот ночного ветра сквозь погребальные ивы, как последний выдох утопленницы, как первый крик младенца, понимающего, что родился в мир боли. В нём три слога, и каждый — отдельное проклятие: *ли*— отрицание света, *ли*— повторение отрицания, делающее его абсолютным, *т*— резкое окончание, как перерезанное горло.

Три женщины носили это имя в разные эпохи, разделённые столетиями, но связанные невидимой пуповиной предопределения. Каждая думала, что она уникальна в своём проклятии. Каждая ошибалась. Они были нотами одной мелодии, растянутой во времени — мелодии, которую Первородная богиня напевала себе под нос в момент Великого раскола, когда решила, что одиночество хуже смерти, и разорвала себя на части.

Первая Лилит родилась за тысячу лет до конца, когда мир ещё помнил время единства. Вторая — за четыреста лет, когда империя близнецов достигла апогея жестокости. Третья ещё ждёт своего часа, но тень её уже падает на настоящее, как тень виселицы падает на приговорённого до того, как петля коснётся шеи.

Это история о Первой. О женщине, которая носила богиню как болезнь, любила дракона как проклятие, и выбрала человечность в мире, где человечность была слабостью, которую не прощали.

Тысяча лет до падения последней луны

※ Глава 1: Рождение в час, когда боги отворачиваются ※ Кровавый снег

Ночь, когда родилась Лилит Первородная, вошла в историю как Ночь кровавого снега — не потому, что снег был красным от крови (хотя был), а потому, что сам воздух кровоточил. Капли влаги в атмосфере превращались в алые кристаллы, падающие с неба как слёзы умирающего божества.

Серафима Караван рожала уже третьи сутки в подвале заброшенного храма Лазурной хранительницы — третьей богини, о которой теперь не принято вспоминать, чьё имя стёрто из молитв, чьи статуи разбиты так тщательно, что даже пыль от них развеяна по ветру. Храм был последним местом, где искали бы беглецов — суеверный страх перед мёртвыми богами сильнее рационального желания проверить все убежища.

Демиан, муж Серафимы, держал её голову на коленях. Его руки, привыкшие к мечу наёмника, дрожали от непривычн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.